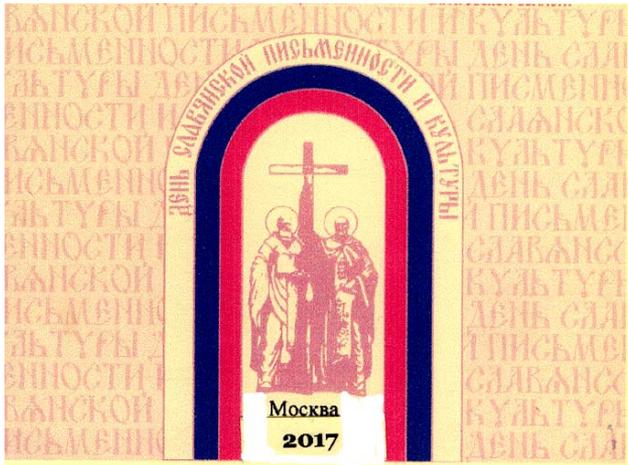

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Славянский мир:
общность и многообразие**

23–24 мая

**Тезисы
молодежной
научной конференции**
*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

Москва 2017

Редколлегия:

А.В. Амелина,
Д.Ю. Ващенко,
А.А. Леонтьева,
К.В. Мельчакова,
Л.Ю. Пахомова,
М.В. Ясинская

Отв. ред.: Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Славянский мир: общность многообразия.

Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2017 г. Москва: ИСл РАН, 2017. 88 с.

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. В 2014 г. ей был придан новый формат: молодежная научная конференция с участием международных докладчиков. В 2015 и 2016 гг. традиция была продолжена. В нынешнем году молодые ученые вновь обсуждают широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой, с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

ISBN - 978-7576-0391-9

©Институт славяноведения РАН, 2017

©Авторы, 2017

Артюшкова Е.Е.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Деятельность Российского общества Красного Креста на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны

Российское общество Красного Креста (РОКК) – благотворительная организация, основной целью которой была помощь больным и раненым воинам. Кавказский фронт интересен ввиду своих особых условий: территориальной отдаленности, природно-климатического фактора, занятия русскими войсками новых территорий.

С началом Великой войны Кавказское окружное управление РОКК участвует в деле помощи фронту. Вступление в войну Турции 2 ноября 1914 г. поставило новые задачи перед Крестом. Первым этапом истории деятельности РОКК на Кавказском фронте можно считать конец 1914 — начало 1915 г. Красный Крест в этот период не справлялся с объемом работы. Затем наступает новый этап, когда российские войска продвигаются вглубь турецкой, а затем персидской территории. Красный Крест отправляет на Кавказ новые отряды, врачей-консультантов, расширяет географию и создает новые направления своей деятельности.

В связи с занятием новых территорий русскими войсками возникла необходимость организации санитарного порядка в турецких городах. РОКК посылало санитарно-дезинфекционные отряды, деятельность которых значительно способствовала наведению порядка на занятых территориях.

Еще одна организационная форма медицинской помощи РОКК – плавучие госпитали. Эти суда совершали рейсы по Черному морю, проводя лечение раненых и больных воинов. Судно «Португаль», признанное германским, турецким и болгарским правительством как госпитальное, было потоплено немецкой подводной лодкой. Вскоре немцы потопили плавучий госпиталь «Вперед». РОКК приняло решение прекратить эксплуатацию плавучих госпиталей после того, как турецкое правительство отказалось признавать новое судно «Атене» госпитальным.

Российскому Красному Кресту было поручено руководство всеми общественными и частными медицинскими организациями, оказывающими помощь войскам. При этом работа организаций собственно Красного Креста имела определенную «специализацию». Врачи, работавшие в РОКК, развивали принципы этапного лечения; докторам была

сделана установка на оказание необходимой помощи в течение первых часов после ранения. Поэтому Красный Крест формировал преимущественно передовые отряды, следовавшие за войсками. Из этих отрядов выделялись «летучки» – перевязочно-питательные пункты. Медицинские учреждения военного ведомства действовали иначе: там сначала раненых эвакуировали в тыловые районы, что приводило к развитию заболеваний и заражениям.

Помимо хирургической и дезинфекционной медицинской помощи воины РОКК организовали в годы Первой мировой войны лечение душевнобольных.

Война с Турцией привела к массовому бегству с территорий Османской империи, в первую очередь армян. РОКК формировало специальные отряды для помощи беженцам.

Красный Крест создал в годы Первой мировой войны на Кавказском фронте широкую сеть учреждений помощи пострадавшим. Таким образом, можно говорить о том, что деятельность РОКК была опытом гражданского общества, взявшего на себя некоторые функции государственных структур.

Васюков А.Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

История Товарищества младокашубов: лидеры, идеи, проблемы

В начале XX в. в регионе балтийского Поморья усилился процесс институционализации кашубского культурного движения, кульминацией которого стало основание в 1912 г. Товарищества младокашубов. Именно этой организации удалось впервые серьезно актуализировать вопросы этнокультурной идентичности среди кашубского населения региона и вывести их в плоскость политической дискуссии.

Деятельность младокашубов пришлась на годы одновременного усиления давления процессов германизации среди кашубов и роста польского национального движения на территории Западной Пруссии. Товарищество младокашубов стало одновременно организацией культурологической, литературной и идеологической, в среде которой активно обсуждались проблемы, связанные с разработкой литературной нормы кашубского языка, сохранением и повышением престижа кашубской этнической культуры, а также формировались первые геополитические концепции относительно будущего всего кашубского сообщества.

Лидером движения младокашубов стал молодой медик Алек-

сандр Майковски (1876–1938), редактор одного из первых кашубскоязычных изданий «Гриф» (1908). Несмотря на то что изначально младокашубы ставили перед собой общую цель – противодействие усиливающимся процессам германизации среди прусских кашубов, политические ориентации ее лидеров никогда не были полностью идентичными. Так, А. Майковски, автор лозунга «что кашубское, то и польское», стоял на позициях общепольского национализма и выступал за полную политическую интеграцию кашубов в рамках независимой Польши (1918) с одновременным уважением и развитием кашубского культурного наследия.

Другие представители товарищества во главе с Я. Карновски придерживались более автономистских воззрений и стремились продолжать идеологическую традицию первого классика кашубской литературы Ф. Цейновы. Эта традиция основывалась на признании кашубов отдельным западнославянским народом с собственным языком и специфическим этнорегиональным самосознанием, хотя и тесно связанным исторически с остальными поляками. Из-за этого деятельность младокашубов вызывала неоднозначную реакцию со стороны польского национального движения. Вместе с одобрительными отзывами в адрес товарищества, особенно Майковского, звучали многочисленные неоправданные обвинения в прогерманской ориентации и кашубском сепаратизме.

Товарищество распалось с началом Первой мировой войны, после которой так и не возобновило свою деятельность, хотя практически все его лидеры оказались в границах независимой Польши и осуществляли активную культурологическую деятельность. Продолжателем традиции младокашубов в XX в. стало межвоенное поколение кашубских интеллектуалов, объединенных вокруг Регионального союза кашубов (1929), а также представители послевоенной кашубской интеллигенции — Г. Лабуда, Е. Тредер, Ц. Ольбрахт-Продзиньски.

Гимадеев Т.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Чешские католики о гуситском движении: историографическое наследие А. Главинки

Творчество **Алоиса Главинки** (1852–1931) не пользуется популярностью у современных гуситологов: даже в Чехии его имя упоминается в основном в связи с его работами по филологии и философии. Его историографическое наследие, однако, также может представлять интерес в свете изучения чешской историографии гуситского движения. Католический священник Главинка, бывший одним из наиболее ярких апо-

логетов католичества в Чехии, отстаивал консервативную точку зрения о гуситстве. В этом он был не одинок: такие выдающиеся историки, как В.В. Томек или Й. Пекарж, смотрели на гуситское движение с изрядной долей скепсиса. В случае с Главинкой скепсис этот обрел и религиозное наполнение, что делает его творчество особенно интересным.

В той или иной степени, гуситству были посвящены такие работы Главинки, как «Заблуждения и ложь в истории» (*Bludy a lži v dějinách*, 1888), «Чешско-моравская хроника» (*Kronika Českomoravská*, 1890), «Всемирная история в иллюстрациях» (*Dějiny světa v obrazech*, 1903 – 1913). В каждой из этих работ Главинка преследовал разные цели: работа о «Заблуждениях и лжи» была развернутой апологией римской церкви, охватывающей всю ее историю; «Хроника» представляла собой краткое изложение чешской истории; «Всемирная история» претендовала на более широкий охват. Во всех трех работах Главинка в целом сохранил выработанную еще в 1888 г. точку зрения на гуситское движение.

В целом к гуситству Главинка относился негативно, полагая, что многие из недостатков движения вытекали из личных качеств самого Яна Гуса. Его Главинка считал достаточно талантливым и честным человеком, которого сгубили собственные «самолюбие», отсутствие христианского послушания и слабая теологическая подготовка, из-за которых он некритично воспринял «ересь» английского богослова Д. Уиклифа. Признавая военные успехи отдельных вождей движения (например, Яна Жижки и Прокопа Великого) и избегая называть всех гуситов «еретиками», Главинка, однако, полагал, что главным итогом гуситского периода стали экономический и культурный упадок, двухсотлетний «греховный раздрай» в Чехии, последствия которого были преодолены лишь в период контрреформации после Белогорской битвы, которая оказалась своеобразной карой для чехов. Таким образом, Главинка занимал достаточно жесткую скептическую позицию по отношению к гуситскому движению, контрастирующую с позициями основных протестантских авторов (например, Ф. Палацкого и Т. Масарика). При этом наблюдается некоторая зависимость Главинки именно от этих авторов: хотя он достаточно активно обращается к работам таких авторов, как Й.А. Гелферт и В.В. Томек, ссылки на Палацкого едва ли не превалируют над ними. Это может объясняться как лучшей разработанностью этой тематики в трудах Палацкого, так и стремлением Главинки использовать доводы Палацкого в полемике против его же последователей. В целом можно констатировать некоторую фактологическую несамостоятельность Главинки. Его

идейные позиции, однако, достаточно оригинальны и могут представлять определенный интерес для исследователей.

Горохова М.Е.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Источники русской политической эмиграции в Чехословакии (1918–1938 гг.)

В последнее десятилетие немало написано о русском зарубежье и его многогранном культурном наследии. В то же время незаслуженно мало исследованы архивы русской эмиграции. Между тем собрание буквально по крупицам документальных памятников истории и культуры России, пронесенных русской эмиграцией, является наиболее ярким свидетельством духовности русского зарубежья, подчеркивает его роль в сохранении национального единения в изгнании, в продолжении исторических традиций русского народа. За Прагой прочно утвердилось звание интеллектуальной столицы русского зарубежья. Убедительным подтверждением этому является история формирования и деятельности Русского заграничного исторического архива, созданного в конце 1923 г. усилиями проживавших в Праге русских эмигрантов и их чешских единомышленников. Оказавшись за пределами России, многие русские эмигранты с начала своего пребывания в изгнании поняли необходимость сохранения того исторического и культурного наследия, которое было вывезено из России и создано ими в странах, их приютивших.

Гусев Н.С.

Институт славяноведения РАН, Москва

«Никакого буйства или бесчинства манифестанты нигде себе не позволили, если не считать пения гимна...»: славянские манифестации в России весной 1913 г. и их разгон

Весной 1913 г. в ходе Первой балканской войны под ударами болгаро-сербских войск пала турецкая крепость Адрианополь, что вызвало бурное празднование в Государственной думе, куда пригласили болгарских представителей, находившихся в российской столице. В Таврическом дворце произносились речи, хор депутатов исполнял молитвенные пения и государственные гимны. По городам страны прокатились массовые манифестации, наибольший масштаб имевшие в Петербурге. Власти, опасаясь неудовольствия и протестов со стороны Австро-

Венгрии, приказали применить силу для разгона шествий. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: полиция разгоняла людей, певших «Боже, Царя храни». Общество было потрясено и пыталось найти виновных.

В докладе рассматриваются ход событий и причины столь неожиданной реакции правительства.

Добротина О.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

Отражение процесса исламизации Балкан в эпосе «Салтук-наме»

В докладе производится анализ описаний распространения исламской религии на Балканах в тюркском эпосе XIII в. «Салтук-наме». Эпос объединяет в себе предания, повествующие о жизни, войнах и разнообразных чудесах дервиша Сары Салтука. Сложение преданий относится к XIII в., собрание же и письменная их фиксация были произведены османским придворным Эбюль-Хайром Руми около 1480 г.

Для освещения вопроса о распространении ислама на Балканах данный источник редко привлекается исследователями: он малопригоден для извлечения конкретных фактов, поскольку события, имевшие место в действительности, тесно переплетены в нем с фантастической их трактовкой. Даже сам главный герой преданий — дервиш Сары Салтук — хоть и имеет подтверждения своего существования в других исторических источниках, в самом эпосе предстает скорее как собирательный образ дервиша-гази, то силой, то хитростью обращающий в ислам население городов юго-востока Балканского полуострова.

Отсюда вытекает специфика использования «Салтук-наме» в качестве исторического источника. В преданиях о Сары Салтуке мы можем обнаружить стереотипные представления и ментальные категории, отразившиеся в способах повествования о периоде истории Балкан, связанном с началом османского завоевания. Однозначно ответить на вопрос о носителях данных представлений – той социальной среде, в которой бытовали предания, – не представляется возможным. Сам Эбюль-Хайр Руми обозначает своих информантов как «влюбленных и мудрецов». Очевидно, что по большей части это были обитатели многочисленных суфийских обителей, расположенных на Балканах и в Анатолии.

Выделяя конкретные эпизоды, описывающие исламизацию местного населения, мы обращаем внимание на то, как трактуются в произведении доисламские верования, распространенные в данной среде, на способы установления новых религиозных институтов, социальную принадлежность обращенных и другие стороны «внешнего модуса» конверсии. Всё это помогает нам понять, какова была роль представителей дервишских орденов в исламизации Балкан и как ее интерпретировало народное сознание в позднейшие эпохи.

Дронов А.М.

Институт славяноведения РАН, Москва

Русское консульство в Фиуме и деятельность А.Д. Петковича (1873–1892)

После поражения России в Крымской войне (1853–1856) особое внимание на самом высоком уровне в Петербурге было обращено на методы проникновения в регион Балкан и Юго-Восточной Европы. Русское присутствие обозначалось открытием консульств в австрийской Далмации — в городах Рагузе (Дубровнике) и Фиуме (Риеке), где на протяжении долгого времени Россию представляли братья Константин и Андрей Петковичи. Они происходили из Османской империи (Башино Село, Македония), но получили образование в Одессе и Санкт-Петербурге.

С 1858 по 1869 гг. Константин Дмитриевич Петкович (1826–1897) служил консулом (затем генеральным консулом) в Рагузе, изучая ситуацию не только в самом городе, но и в соседних Герцеговине и Бокоторской бухте, затем был переведен в Бейрут. Его брат Андрей Дмитриевич (1837–1897), владевший несколькими европейскими языками, успешно себя зарекомендовал на должности русского консула в Фиуме. Дружеские, доверительные отношения как с губернатором, графом Гезой Сапари (1828–1898), так и с великим жупаном (ишпаном) комитата Модруш-Фиуме помогали российскому дипломату получать важные сведения.

Фонд А.Д. Петковича в Архиве внешней политики Российской империи позволяет в деталях реконструировать ход сбора информации о самом венгерском порте, ситуации в Хорватии-Славонии и на всей Военной границе. За время работы в должности консула, на которое пришлось важные события как для Хорватии (упразднение Военной границы), так и для Балкан (русско-турецкая война 1877–1878 гг.). А.Д. Петкович собрал ценные сведения об организации политической жизни хорватов и сербов Австро-Венгрии, их взаимоотношениях с венграми и друг с другом, а

также о событиях и разговорах, свидетелем которых был сам или его осведомители.

В докладе показаны особенности политики России в Австро-Венгрии и на Балканах в контексте задач, которые выполняло русское консульство в Фиуме.

Дулатов Б.К.

Философский факультет Остравского университета, Чехия

Чехи: политическая и историческая судьба в России

Рабочее название исследования звучит как «История чешской диаспоры на территории Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Приуралья и Северного Казахстана». Хронологические рамки исследования – 1914–1925 гг.

В современный период интеграции в мировое пространство постсоветских государств актуализируется проблема изучения исторического прошлого народов и этнических групп, проживающих в огромной территориальной зоне Северного Казахстана, Приуралья, Поволжья, Сибири. В данном ракурсе интерес вызывает история чехов и чешских граждан, то есть той категории персоналий, которые исторически до периода начала XX века не проживали в соответствующей зоне. Поэтому важно исследование процесса адаптации и дальнейшей жизнедеятельности чешских граждан исследуемого исторического периода, оцениваемого как глобальное политическое потрясение эпохи XX века. Сам процесс участия чехов в событиях выделенных хронологических рамок определяет суть, порядок взаимосвязанных проблем, ответы на которые и освещение которых позволит выстроить научную работу. Собственно подобная работа в перспективе будет представлять собой определенный теоретико-практический труд по изучению исторической судьбы не только чехов, но и других этнических групп, волей судьбы оказавшихся на огромных просторах Российской империи и ее наследницы в лице Советского государства, в очерченных хронологических границах. Предлагаемая работа условно состоит из трех разделов.

Первый раздел посвящен проблеме переселения или перемещения чешских военнопленных на обозначенную территорию. В данном ракурсе научный интерес вызывают такие факторы, как количество военнопленных, их социальный и национальный составы, региональная характеристика, возрастные данные. Большую практическую значимость имеют материалы по проблеме условий проживания и сферы занятости чешских военнопленных. Малоисследованной является динамика культурных, социальных, профессиональных контактов чешских граждан с

местным населением. Очевидно, в данной ситуации по инициативе чешских военнопленных создавались различные социальные общества взаимопомощи, ориентированные на преодоление чешскими военнопленными фрустрационного состояния. Важной проблемой в ракурсе освещения истории чехов является освещение и изучение их взаимодействия и контактов с представителями различных идейно-политических групп, партий, движений и общественных организаций, которые легально или нелегально функционировали в данный период времени. Данная постановка проблемы позволит проанализировать систему политических взглядов и степень поляризации чешских военнопленных в условиях их пребывания в местной социэтнической среде. Проанализированы также будут причины сдачи чешских военнослужащих в плен, так как официально чехи являлись гражданами Австро-Венгерской империи, но этнически и культурно осознавали свою близость к русскому миру.

С учетом исторического прошлого проживания чехов в составе Австро-Венгерской империи, необходимо проследить степень вовлеченности этой категории граждан в сферу политико-идеологических отношений на уровне сохранения и роста их национальных и патриотических чувств.

Второй раздел посвящен проблеме участия чехов в Гражданской войне. Очевидно, значительное количество пленных чехов проживало в восточных районах Российской империи. Изначально чехи как подданные Австро-Венгрии согласно долгу участвовали в войне против Российской империи. На подсознательном уровне и исторически чехи ощущали этническую солидарность и близость со славянскими народами. В период начала Гражданской войны согласно устоявшейся советской традиции чехи были задействованы в Чешском (Чехословацком) легионе, сражавшемся против Советского режима (в том числе и идеологически).

Существует необходимость изучения причин участия чехов в так называемом «белочешском» мятеже, факторов, обусловивших начало чешского мятежа и инициаторов, повлиявших на его возникновение. Значительный интерес представляют проблемы изучения политических умонастроений и симпатий чешских военнопленных к событиям на территории империи в канун начала революции и Гражданской войны. Немаловажный интерес вызывает проблема участия чехов в Красной армии, и в других военных соединениях, идейно близких к советскому режиму. На мой взгляд, проблема участия чехов в Гражданской войне в большей степени изучена односторонне, то есть, как их вовлечение в Чешский легион. Считаю необходимым провести доскональный анализ документов, характеризующих степень взаимодействия чешских военнопленных и общественных деятелей с представи-

телями общественных партий, движений, различных правительств, созданных в годы Гражданской войны. Основным источником данной работы является деловая и личная переписка чешских персоналий с различными политическими и административными деятелями на предмет участия чехов в «белом» или «красном» движении и их дальнейшей политической судьбы.

В третьем разделе речь идет об участии чехов в установлении Советской власти и в реформировании всех сфер общественной, политической, экономической жизни по окончании Гражданской войны. Примечательно, что на фоне оттока значительной части чехов за пределы Советского государства в начале и середине 20-х гг. XX века, определенная часть чехов осталась на исследуемой территории. На мой взгляд, история этой категории чехов требует дополнительного освещения их деятельности в составе общественных организаций и официальных государственных структур.

Златанов А.

Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София, Болгария

Славянский легион Михаила Чайковского в образах и картинах

Деятельность Михаила Чайковского – Садък-паши оставила яркий след в истории XIX в. Его политическая активность в Европе началась в 1840–1850 гг., когда он стал главным агентом «Восточного агентства», созданного польским правительством в изгнании («Отель Ламбер»). Позже Чайковский принял ислам и стал служить в Османской армии, где основал свой «славянский легион» (также известный как *казачий полк* или *казак алай*).

Казачий полк – первое официальное военное подразделение в Османской империи, состоящее почти исключительно из христиан. Состав этих османских войск делает их поистине уникальными: в Османской империи христианам (за исключением некоторых групп населения с особым статусом) было запрещено носить оружие и служить в армии. Славянские казачьи отряды состояли из двух основных компонентов – польского и болгарского, – но в них вступали и добровольцы из других народов Балкан. Служба Михаила Чайковского в Османской армии продолжалась до 1871 года. Деятельность и влияние его славянского легиона не ограничивалась пределами европейского континента, а распространялась также на Ближний Восток.

Ислентьева А.П.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Сербская православная церковь и проблема обращения в унию православного населения Габсбургской монархии в первой половине XIX в.

Одним из насущных вопросов для Сербской православной церкви в Габсбургской монархии в первой половине XIX в. оставалась проблема сохранения собственной паствы. Несмотря на Патент о веротерпимости императора Иосифа II, изданный в октябре 1781 г., католические и униатские епископы продолжали активную пропаганду унии среди православного населения. Прозелитизм в землях Австрийской монархии отвечал потребностям как католической церкви, так и официальной власти. Уния, по личному признанию императора Франца I, являлась не только промежуточным этапом на пути перехода иноверцев в лоно Римско-католической церкви, но и помогала пресечь влияние русских на сербское население.

Наиболее активно униатские проповедники действовали в Далмации, Славонии, а также Банате. Главным инструментом пропаганды оставалась проповедь. Причем проповедовали и странствующие священники (ими, как правило, являлись русины-униаты), и «новообращенные» из числа православных приходских священников. Также идея унии пропагандировалась через образовательные институты. Такой подход в 1819 г. императору Францу I предложил епископ Далматинский Венедикт Кралевич. Стараниями В. Кралевича и при активной поддержке императора в Шибенике были основаны семинария и лицей для православных, но с преподавателями-униатами. Лучшим ученикам предлагалось обучение за государственный счет в Венском конвикте.

Необходимо отметить, что действия по популяризации унии не имели практически никакого успеха. Количество перешедших в унию православных было ничтожно мало. Однако иерархи сербской православной церкви оставались крайне внимательны к любому факту обращения и выступали категорически против унии. Во-первых, по причине пастырского долга, который заключался в необходимости сохранения и защиты вверенной паствы. Во-вторых, поскольку подобная пропаганда подрывала авторитет православной церкви как таковой. После многочисленных жалоб от далматинцев на епископа В. Кралевича митрополит Карловацкий Стефан Стратимирович неоднократно обращался к властям в Вене с требованием его отстранения. Новый владыка Далматинский Иосиф Раячич боролся с местной католиче-

ской администрацией и наотрез отказывался вычеркивать из сербских метрических книг православных, принявших унию. Позднее, в 1840 г., митрополит Карловацкий Стефан Станкович выступал с пламенной речью в Венгерском государственном собрании, требуя от венгров пресечь насильственный перевод в унию православных в Банате. Вопрос защиты православной пасты для Сербской православной церкви оставался актуальным вплоть до 1841 г., когда император Фердинанд I издал декрет, по которому прозелитизм на территории Австрийской империи был официально запрещен.

Касаткин К.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

От «бугар» к Болгарии: изобретение болгарской нации в работах И.П. Липранди

В современной исторической науке наметился определенный тренд к пересмотру отношений России с балканскими народами. Старые представления о неизменном образе «братьев-славян», «турецком рабстве», «борьбе России за освобождение славян» рушатся, и становится очевидным, что отношения между двумя империями были не столь однозначными. Образ православных народов Османской империи на протяжении XIX в. претерпел значительные изменения: восприятие российской элитой южных славян как «тамошних диких народов» постепенно вытеснялось новыми, более позитивными способами описания, которые не просто сосуществовали, но активно боролись друг с другом. Важную роль в этой борьбе сыграл И.П. Липранди.

На сегодняшний день балканские сюжеты в работах И.П. Липранди нельзя считать достаточно изученными. При этом многие исследователи допускают серьезную ошибку, выдергивая информацию о южных славянах из контекста. С 1820-х по начало 1840-х годов Липранди занимался изучением *всех* балканских народов *исключительно* в рамках дискурса об Османской империи. Только в 60-е и 70-е годы XIX в., на волне общей заинтересованности судьбами южных славян, он публикует отдельные концептуально переработанные работы о них. На этот факт никто до сих пор не обращал должного внимания, а между тем он превращает И.П. Липранди из первопроходца российского славяноведения в одного из зачинателей отечественного ориентализма.

И.П. Липранди активно участвовал в конструировании образа болгар и «Болгарии» на протяжении долгих 50 лет. Начав заниматься изучением Балкан в 1820-е годы, он опубликовал свое последнее сочинение по этой тематике буквально накануне последней русско-турецкой войны. К счастью,

до нас дошел большой корпус текстов автора, посвященных болгарам и «Болгарии», что позволяет достаточно полно проследить эволюцию его взглядов. Мы опирались на наиболее значимые работы И.П. Липранди по данной теме. Это словарь «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи» редакции начала 1830-х годов, записка «Болгария» 1854 г., статьи «Восточный вопрос и Болгария» 1867 г. и «Болгария» 1877 г.

Болгарами И.П. Липранди интересовался больше всех других славянских народов. Учитывая его страсть показывать себя экспертом в вопросах, о которых все другие имеют лишь поверхностное представление, болгары стали идеальным полем деятельности. Их история, традиции, обычаи, язык представляли настоящую *terra incognita* не только для россиян, но и для европейцев.

Мы хотели бы рассказать о результатах нашего исследования эволюции образа болгар в работах И.П. Липранди 30–70-х годов XIX в. Восприятие автором болгар на протяжении более чем 40 лет претерпело существенные изменения: из «Других» они стали «Своими». Если в ранних работах Липранди не выделял болгар на фоне прочих подданных турецкого султана, считал их потомками азиатских кочевников и всячески старался их ориентализировать, то во второй половине XIX в. болгары превращаются в самый многочисленный *славянский* народ, со своей особенной культурой и языком, а главное — они уже мыслятся не как один из народов Османской империи, а как заслуживающая своего государства *нация*.

Колмакова М.В.

Библиотека РАН, Санкт-Петербурге

Библиотека М.П. и Н.М. Петровских в 20–30-е годы XX в.

Формирование частных библиотек ученых является неотъемлемой частью процесса научно-исследовательской работы, вследствие чего в их состав бывают включены печатные памятники, многие из которых хранят различные свидетельства о профессиональных контактах, дружеских отношениях, а также различные пометы и маргиналии. Изучение этих материалов может существенно дополнить имеющиеся знания о жизни и работе деятелей науки. Библиотека отца и сына Петровских является ярким примером рабочей научной библиотеки, которая собиралась на протяжении нескольких десятилетий и сосредоточила в себе огромное количество интереснейших документов. Ценность этой библиотеки отмечали многие ученые. Академия наук видела особенную важность в сохранении этой библиотеки для исследователей истории славянской культуры и словесности.

После смерти Н.М. Петровского библиотека в 1921 г. была перемещена в Казанский университет (кабинет славяноведения). В 1927 г. в Московском государственном университете на этнологическом факультете была начата подготовка славистов. Ученик Н.М. Петровского А.М. Селищев в это время (с 1922 г.) был профессором кафедры славянской филологии Московского государственного университета и знал о существовании этой сокровищницы книжных памятников, которая позволила бы вывести подготовку молодых славистов на качественно новый высокий уровень. Он обратился к руководству университета с предложением о перевозе библиотеки из Казани в Москву. В 1929 г. было подписано разрешение о перемещении коллекции, и в 1930 г. книги были перевезены в лингвистический кабинет Московского государственного университета, там же была составлена опись. В 1930 г. в Московском государственном университете прекратили подготовку славистов – сохранение библиотеки М.П. и Н.М. Петровских оказалось под угрозой. В 1931 г. под руководством Н.С. Державина в Ленинграде был образован Институт славяноведения АН СССР, куда перешел на работу А.М. Селищев. Он не оставлял заботу о библиотеке М.П. и Н.М. Петровских и немало способствовал ее перемещению в профильный институт. В 1934 г. деятельность Института славяноведения АН СССР была прекращена, и библиотеку М.П. и Н.М. Петровских было решено передать в Библиотеку академии наук (БАН) СССР, где стараниями Н.С. Державина в период с 1931 по 1934 гг. была организована работа кабинета славяноведения. Издания, посвященные изучению истории, языка и культуры славянских народов, были помещены в Славянский фонд, в котором они находятся и сегодня, другие издания были распределены в соответствии с принципом комплектования в различные фонды ветвистой структуры Библиотеки Академии наук.

Доклад посвящен изданиям, происходящим из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, которые нам удалось выявить в ходе работы в Славянском фонде БАН, а также перспективам, которые открываются перед исследователем, соприкасающимся с этими бесценными книжными памятниками.

Колосков Е.А.*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург***«Мобилизованная Беласица»: образ битвы на Клейдионе
в македонском и болгарском
историческом и политическом дискурсе***

Битва при Беласице, или же битва на Клейдионе, – одно из ключевых исторических событий истории средневековых Балкан. Традиционно оно трактуется болгарскими исследователями как утрата независимости Болгарией со всеми присущими такому событиям размышлениями и эмоциональными акцентами.

Однако после активизации программы официального Скопье по включению царя Самуила в македонский национальный пантеон и объявлению его государства Македонским царством война памяти стала неотъемлемой чертой любой исторической дискуссии на данную тему. Битва при Беласице, таким образом, стала черным днем еще и для македонской национальной истории. 28 июня 2011 г. на площади Македония в самом центре Скопье торжественно открывается памятник царю Самуилу. Данное событие разумеется не осталось без внимания болгарских исследователей.

В свою очередь празднование тысячелетней годовщины битвы в 2014 г. в Болгарии носило торжественный и официальный характер. На октябрьских мероприятиях (приуроченных к дате смерти царя Самуила) в обновленном национальном парке-музее Самуилова крепость присутствовали президент Болгарии, премьер-министр страны и патриарх Болгарской православной церкви. 8 июня 2015 г. в центре Софии был открыт памятник, под которым значилось: «Самуил, царь Болгарии».

На сегодняшний день очевидно, что претензии на «Самуилово наследство» и Беласицкую битву македонских историков крайне болезненны для определенных болгарских академических кругов и официальной Софии, стремящейся превратить царя Самуила чуть ли не в некую разновидность болгарского князя Лазаря, а Беласицкую битву – в битву на Косовом поле, на общем фоне популяризации и коммерциализации

* Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время. Код ГРНТИ 03.91.00

средневековой военной истории. В подобных условиях крайне низка вероятность найти компромиссное решение для основных контрагентов «войны памяти» в ближайшем будущем.

Кузьмичева А.Е.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

«Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии»: что скрывалось за пактом Гитлера–Пилсудского?

Первые предположения о возможности заключения польско-немецкого союза, направленного против СССР, стали появляться вскоре после прихода Гитлера к власти. Амбициозные «восточные концепции», изложенные фюрером в книге «Моя борьба», а также его решительное желание отказаться от старых колониальных и торговых политик в пользу новой *Bodenpolitik*, недвусмысленно указывали на то, что Польше отведена ключевая роль для реализации замыслов фюрера. Вопрос был только в том, кем Польша станет для Германии – союзником, разделившим трофеи совместных побед, или же врагом, которого будет необходимо устранить до начала военной кампании против СССР.

Слухи, циркулировавшие в Европе в течение весны 1933 г., сводили предполагаемое решение польского вопроса к заключению соглашения, якобы разработанного Розенбергом, согласно которому «Польша сделает большую территориальную уступку в пользу Германии – Польский коридор – и в качестве компенсации получит территорию Советской Украины в сторону Черного моря». Тем не менее данные слухи не выдерживают критики, так как невозможно предположить, чтобы Польша добровольно отказалась от жизненно важных территорий в обмен на туманные обещания и неопределенные перспективы. Более того, они могут быть с легкостью опровергнуты хотя бы очень подозрительным характером маршала Пилсудского: «Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии», – сказал он в 1934 г. одному из своих близких сотрудников полковнику К. Глабишу.

Одним из главных страхов руководителей Польши был эвентуальный проход Красной армии по польским территориям. Как считал французский консул А. Ронфлар, хорошо знавший настроения правящих кругов в вопросах внешней политики, главное – «...это боязнь пребывания советских войск на территории Польши. Они предпочитают немецкие войска, так как враждебность польского населения в отношении немцев им гарантирует изолированность германских войск, в то время как

Красная армия немедленно получила бы контакт с населением, и революционные элементы в стране, опираясь на Красную армию, подняли бы внутри страны революцию». Гитлер, в свою очередь, умело манипулировал этим страхом. Французский посол в Польше Ж. Лярош считал, что в тот момент Гитлер был заинтересован в создании «буферного государства между Германией и Россией» и хотел обеспечить сотрудничество поляков для реализации своего замысла.

Более того, выход Германии из Лиги наций в октябре 1933 г. и ее разрыв с конференцией по разоружению создал совершенно новое положение вещей – на те вопросы, которые раньше поляки разрешали в рамках Лиги (например, вопрос Верхней Силезии), теперь требовалось решать самостоятельно. По всей видимости, хотя бы временное потепление отношений между Варшавой и Берлином могло преследовать две цели. Во-первых, повышение ценности польско-французского союза в глазах Парижа, и, во-вторых, исключение возможности непосредственного соглашения между Францией и Германией без участия Польши. Франция же, поглощенная собственными проблемами, упустила из виду своих восточноевропейских союзников.

В литературе и СМИ достаточно часто можно встретить идею о том, что в польско-немецкой декларации от 26 января присутствовала некая «секретная тайная часть», в которой обе стороны обязались оказывать друг другу военную помощь в войне против СССР. Историки, пытающиеся подвести доказательную базу под эту идею, в основном апеллируют к публикации, появившейся 20 апреля 1935 г., накануне подписания франко-советского договора, на первых полосах газет «Правда» и «Известия» (обе статьи были идентичны). В тексте сообщалось, что «депутат и бывший министр Ламуре опубликовал в провинциальной газете “Бурбоннэ републикен” текст секретного договора, заключенного между Германией и Польшей 25 февраля 1934 г.». Далее в газетах приводился точный текст этого договора. Упоминания об этом документе практически не встречаются ни в польской, ни в советско-российской историографии; оригинала тоже, естественно, никто никогда не видел. С большой долей вероятности можно заключить, что подобные идеи являются фальсификацией. Об этом, например, однозначно пишет авторитетный польский историк М. Войцеховский. Более того, кажется абсурдным, что такой опытный политик, как Ю. Пилсудский, стал бы намеренно и демонстративно раскачивать лодку недавно достигнутой политики «равноудаленности».

Лаптева Т.Н.*Архив РАН, Москва***Неизданные работы А.В. Флоровского
по истории чешско-русских отношений ***

Сегодня проблема доступа к научному наследию ученых-эмигрантов продолжает оставаться актуальной. Это утверждение в полной мере справедливо по отношению к работам профессора Новороссийского, затем – Карлова университетов А.В. Флоровского (1884–1968), известного специалиста в области истории Петровской и Екатерининской эпох, историографии и истории чешско-русских отношений.

Флоровский покинул Россию согласно декрету об административной высылке в 1922 г., его вторым домом стала Прага, где он прожил 45 лет и написал почти 90% своих научных работ. Принимая во внимание обстоятельства, Флоровский обратился к новым для себя исследовательским темам: истории чешско-русских отношений и деятельности чешских иезуитов в России, которые оставались доминирующими в его творчестве до середины 1950-х годов.

Избранное направление исследований позволило Флоровскому избежать научной изоляции: он имел доступ к источникам и литературе, мог публиковать статьи и доклады в чешских, болгарских, сербских, французских, английских и других изданиях. Однако высокий научный уровень работ не обеспечил им проникновение на родину ученого: с 1922 по 1945 г. в СССР не попало ни одного его произведения.

После принятия советского гражданства (1946) Флоровский наладил сотрудничество с советскими историками. Благодаря этим контактам он смог передать несколько своих славяноведческих работ в советские библиотеки и в частные собрания.

Самым крупным в России хранилищем научных трудов Флоровского является его личный фонд в Архиве РАН, содержащий среди прочих произведений 48 работ по истории русско-чешских отношений. Это монографии, статьи и доклады: «О взаимном влиянии русского и чешского народов» (1933), «Об истории чешского военного дела и русско-чешских военных отношений» (1933), «Чешская библия в истории русской культуры и письменности» (1938), «Чешский и русский народы в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «А.В. Флоровский: неизданные работы» № 17-01-00236.

начале XVIII в. на фоне русско-австрийских отношений» (1957) и др. Большинство из них представляет собой ранние варианты с правкой, черновики и фрагменты.

В Славянской библиотеке в Праге, где хранится вторая часть архива Флоровского, рукописи исследований по истории русско-чешских отношений представлены приблизительно в том же количестве. Среди них монография «Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений» (1941), статьи: «К тысячелетию святого Вячеслава» (1930-е), «Русь и чехи» (1928), «Московские ученики чешских иезуитов (П. Артемьев и П. Роговский)» (1930), «Чешские струи в истории русского литературного развития» (1958) и др. Присутствуют оконченные работы, их ранние варианты, конспекты, черновые наброски.

Введение в научный оборот архивных документов и переиздание редких, малотиражных произведений Флоровского позволит вернуть отечественной исторической науке около 400 труднодоступных сегодня произведений, более 60 из которых посвящены славяноведческим вопросам.

Лисиченок Е.А.

*Библиотека Российской Академии Наук – Санкт-Петербургский государственный
Университет, Санкт-Петербург*

Забытые библиотеки Витебщины XIX в.: Юзеф Жаба из Шша и его «книгосбор»

Среди множества имен забытых библиофилов Витебщины XIX столетия можно встретить имя Юзефа Антония Жабы (1798–1880). Представители этого рода вели свое происхождение от шляхты Великого княжества Литовского и печатались гербом Косцеша. Многие из них являлись обладателями личных библиотек, которые лишь недавно попали в поле зрения исследователей-книговедов. Например, только в 2013 г. была изучена одна из частей книжного собрания рода Жаб из Збылитовской Гуры, ныне хранящаяся в Городской публичной библиотеке имени Юлиуша Словацкого в Тарнове.

В свою очередь, в первом полугодии 2016 г. в Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук (БАН) началось выявление книг из личной библиотеки шляхтича Ю. Жабы из имения Шшо Дисненского уезда Виленской губернии (также: Сшо; совр.: дер. Шо в Глубокском районе Витебской области Республики Беларусь). К настоящему времени нам удалось обнаружить 937 библиотечных единиц, из которых 59 представляют собой конволюты. Таким образом, мы можем включить в оптику нашего исследования 1141 наименование изданий из шшанской библиотеки. Большинство

из них были отпечатаны в польских типографиях и хронологически относятся к периоду конца XVIII – первой половины XIX в.

Следует отметить, что даже фрагмент личного «книгосбора» Ю. Жабы является многоуровневым историко-культурным источником, открывающим различные направления для научных разысканий. Приведем некоторые из них.

Владельческие и дарственные надписи, записи на форзацах и полях, экслибрисы позволяют составить схему деловых, личных и культурных контактов польскоязычной шляхты Дисненского уезда. Также анализ провененций прежних владельцев может помочь в изучении местного рынка книжной торговли и путей движения книги на данных территориях.

Отдельно стоит сказать об исследовании вкладных, переплетно-независимых книжных закладок, найденных нами в некоторых экземплярах из библиотеки Ю. Жабы. Они представляют собой фрагменты разрезанных бумажных листов с рукописными текстами, написанными разными почерками. Большинство из этих фрагментов удалось сложить в отдельные документы, которые содержат записи хозяйственного характера, касаются вопросов имущественного состояния хозяина данной библиотеки, а также являются долговыми расписками, частными письмами и т. д. Таким образом, переплетно-независимые книжные закладки из библиотеки Ю. Жабы, как и весь его «книгосбор», можно назвать уникальным источником, который дополняет картину повседневной жизни польскоязычной шляхты в XIX в.

Мельчакова К.В.

Институт славяноведения РАН, Москва

**Перелистывая старый фотоальбом.
Босния и Герцеговина в объективе фотографа
П. П. Пятницкого (1832–1882)**

В XIX в. Боснийский вилайет считался одним из самых отсталых и неразвитых уголков Османской империи. Отправляющиеся туда в поисках «варварской экзотики» путешественники оставили нам описания этого удивительного края. Среднестатистический житель Российской империи вряд ли мог бы отыскать его на карте Европы. Но в Саратовской губернии нашелся дворянин Петр Павлович Пятницкий, который в 1867 г. отправился в эти земли с фотоаппаратом. Благодаря его энтузиазму и стараниям на свет появился «Фотографический сборник церковных древностей и типов славян европейской Турции. Герцеговина и Босния

1867 года». Доклад посвящен истории создания этого фотоальбома, многие снимки которого поистине уникальны и бесценны.

Мошечков П.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии

В начале Первой мировой войны во Франции существовала небольшая чешская диаспора. В августе 1914 г. члены чешской колонии в Париже приняли решение записаться добровольцами в Иностранный легион, из них годными к военной службе были признаны около 350 человек. В конце августа была сформирована рота, полностью состоявшая из чешских солдат и получившая название «Наздар». Она вошла в состав батальона «С» 2-го маршевого полка Иностранного легиона. Солдаты роты «Наздар» приняли участие в военных действиях в Шампани и в наступлении французских войск у Арраса, состоявшемся 9 мая 1915 г. В ходе сражения рота понесла значительные потери, в результате чего она перестала существовать как одно из воинских подразделений в составе Иностранного легиона. Оставшиеся в строю чешские добровольцы были распределены по другим войсковым частям данного французского воинского формирования.

Проблема организации самостоятельной чешско-словацкой армии вновь была поднята в 1916 г. уже лидерами Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС). Они организовали широкую пропаганду среди своих соотечественников в Российской империи, Румынии, Италии и США. Благодаря активным усилиям генерального секретаря ЧСНС Э. Бенеша и словацкого ученого-астронома, политика и дипломата М.Р. Штефаника во Францию прибыли несколько тысяч чешских и словацких добровольцев из числа военнопленных.

Параллельно велись переговоры и с правительством Французской республики. Они увенчались успехом: 16 декабря 1917 г. президент Р. Пуанкаре издал декрет об организации во Франции автономной армии из чехов и словаков. Верховным главнокомандующим Чешско-Словацкой армии был назначен генерал М. Жанен. К лету 1918 г. были сформированы два чешско-словацких подразделения – 21-й и 22-й стрелковые полки. 2 августа 1918 г. они образовали 1-ю чешско-словацкую пехотную бригаду (общей численностью 11 264 человека). Бригада приняла участие в сражениях с

немцами на отрезке линии фронта между населенными пунктами Террон и Вузье, состоявшихся 20–30 октября 1918 г.

Вторая битва в Артуа и бои на территории Франции осенью 1918 г. стали одними из крупных сражений Великой войны, в которых приняли участие солдаты чешского и словацкого происхождения. Именно поэтому героические действия легионеров во Франции стали активно использоваться колонией и ЧСНС в пропаганде чешского вопроса как международного. Павшие в сражении добровольцы стали впоследствии восприниматься как национальные герои, пожертвовавшие своей жизнью за чешское дело.

Начарова Е.Ю.

Институт российской истории РАН, Москва

Участие стран социалистического лагеря в комиссии по наблюдению за перемирием в Корее (1953–1956 гг.)

Корейский вопрос в течение вот уже почти 70 лет остается значимой проблемой для всего мирового сообщества. С момента возникновения этого очага напряженности, обусловленного началом холодной войны, многие страны принимали участие в урегулировании конфликта между КНДР и Южной Кореей, так как данный вопрос изначально рассматривался в ООН, непосредственно вовлеченной в войну за объединение полуострова.

Среди большого количества комиссий и комитетов, созданных для решения корейского вопроса с момента оккупации полуострова войсками СССР и США, особое положение занимает комиссия нейтральных стран по наблюдению за перемирием, состоявшая из Швеции, Швейцарии, Польши и Чехословакии и приступившая к работе в 1953 г. согласно перемирию, заключенному в Пханмунджоме. Несмотря на многие трудности и препятствия, комиссия продолжает свою работу и по сей день, однако наиболее значимым периодом ее деятельности являются первые годы, когда наблюдатели осуществляли работу по обе стороны границы.

Для более детального анализа процесса мирного урегулирования в Корее в период после завершения военных действий необходимо обратиться к той роли, которую сыграли страны социалистического лагеря, Польша и Чехословакия, в формировании принципов работы комиссии и выработке методов наблюдения за ходом исполнения соглашения о перемирии от 27 июля 1953 г.

Нужно отметить, что именно представители Польши и Чехословакии являлись одним из немногих официальных каналов связи КНДР и Южной Кореи по окончании военных действий и первоначально имели право наблюдать за ходом создания демилитаризованной зоны с обеих сторон. Посредническая роль наблюдателей выражалась в составлении докладов по материалам полевых инспекционных групп, которые передавались как Северной, так и Южной Корее.

Советское правительство, конечно, было весьма заинтересовано в работе комиссии, как можно видеть из документов фондов референтуры по Корее и советского посольства в КНДР Архива внешней политики Российской Федерации. Обеспечение работы польских и чехословацких представителей (доставка грузов, перевозка людей и другие материальные вопросы), проблемы связи с северокорейским руководством и даже проблемы, возникшие в связи уходом польского представителя, решались при активном участии СССР и советского посольства в КНДР.

Проблемы, с которыми столкнулись представители комиссии по наблюдению за осуществлением перемирия, выявляют и иллюстрируют сложность процесса мирного урегулирования на Корейском полуострове, истинное отношение правительств Северной и Южной Кореи к самой возможности наступления мира, а их документальные свидетельства — отчеты и фотографии — раскрывают весь трагизм происходивших после завершения войны событий, когда осознание неизбежности и длительности раскола пришло к обеим сторонам конфликта.

Нечаева Н.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Чехословакия на Парижской мирной конференции

В своем докладе мы попытаемся дать ответ на противоречивый вопрос: кто помог Чехословакии появиться на свет в 1918 г.? Дипломатический ли это успех эмиграционного правительства, заслуга ли отечественных политических деятелей, как чешских, так и словацких, или же, как считают некоторые исследователи, всё дело в удачном стечении обстоятельств?

Отсюда логически вытекает другой закономерный вопрос: была ли Чехословакия плодом Версальской системы? Чехословакия была признана на Парижской мирной конференции государством-победителем, которое не просто понесло ущерб от агрессора — Четверного союза, но и которое также сражалось на поле битвы. Свою лепту в копилку престижа молодого государства внесли чехословацкие легионы, чья заслуга перед

Антантой была в первую очередь в том, что они стали своеобразным орудием против распространения большевистской «угрозы» с востока на запад. Действительно, великие державы не могли не поощрить чехословацкие войска, поднявшие мятеж против советской власти в мае 1918 г. и успешно продвинувшиеся от Поволжья до Дальнего Востока, учитывая напряженную ситуацию между новой Россией и ее прежними союзниками. Однако вплоть до весны 1918 г. – до первых признаний независимости Чехословакии – страны Антанты всё ещё сомневались в том, стоит ли вообще обсуждать «чехословацкий проект», поскольку до последнего надеялись на федерализацию Австро-Венгрии.

Также мы ответим на другой важный вопрос: вышла ли Чехословакия с Парижской мирной конференции победительницей или же это была пиррова победа? Мы полагаем, что в данном случае следует рассмотреть этот вопрос в перспективе. В сентябре 1919 г. Бенеш заявил перед Национальным собранием (Прага), что чехословацкая делегация уезжала из Парижа победительницей, несмотря на то, что некоторые ее желания не были удовлетворены. Мы рассмотрим, какие цели, поставленные Чехословакией, не увенчались успехом и почему, поговорим о репарациях и долге Чехословакии как государства-правопреемника Австро-Венгрии, а также проследим, куда привели Чехословакию ее «успехи» на конференции.

Важное место в работе уделено словацкой позиции, в том числе по вопросу о «Меморандуме Андрея Глинки для Парижской мирной конференции» (20 сентября 1919 г.).

Новосельцев Б.С.

Институт славяноведения РАН, Москва

Советско-югославские отношения в конце 1968–1969 гг.

В середине XX в. советско-югославские отношения развивались по сложившемуся устойчивому стереотипу. В его основе лежала разница в целях, которые ставили перед собой руководители двух партий и государств. В Москве следовали задаче «сплочения рядов» и укрепления единства в международном рабочем движении, понимая под этим возвращение Югославии в советский лагерь и ее подчинение общей линии во внешней и внутренней политике. В Белграде добивались невмешательства во внутренние дела и уважения суверенитета Югославии, отстаивая свой собственный путь к социализму, основанный на рабочем самоуправлении и политике неприсоединения. При этом сходство позиций на международной арене, общая коммунистическая идеология и вза-

имный интерес к сотрудничеству не позволяли двум странам окончательно размежеваться.

Поэтому действующие лица и декорации переговоров, такие как ситуация в мире или конкретика взаимных претензий, могли меняться, но пьеса всегда разыгрывалась одна и та же: обсуждаемые вопросы и затрагиваемые темы оставались неизменны. Каждый раз это была история о ссоре и примирении, конфликте и нормализации, и каждые десять лет заинтересованные зрители по обе стороны Атлантики могли ожидать новой ее постановки.

В 1968 г. интервенция стран Варшавского договора в Чехословакии стала причиной третьего по счету конфликта в советско-югославских отношениях. В Югославии ее восприняли как грубое и немотивированное вмешательство в дела независимого государства и усмотрели в ней угрозу собственному суверенитету. В СССР заявили, что Югославия «солидаризируется с антисоциалистическими силами» и что там развернута «антисоветская кампания». Впрочем, уже полтора месяца спустя в переписке стороны согласились, что они бы не хотели дальнейшего ухудшения отношений и выступают за создание в них благоприятной атмосферы. Подобная форма поиска точек соприкосновения также была традиционной для советско-югославских конфликтов.

Итогом обмена письмами и консультаций югославских лидеров с работниками советского посольства (в мае 1969 г. посол И.А. Бенедиктов даже летал в Москву на заседание ЦК КПСС, где обсуждались отношения с Югославией) стал визит в Белград министра иностранных дел СССР А.А. Громько (2–6 сентября 1969 г.). Прибытие на переговоры советского руководителя такого уровня означало успешное окончание первого этапа нормализации отношений двух стран. Однако, как и прежде, говорить об окончательном преодолении кризиса можно было только после переговоров первых лиц. 22–25 сентября 1970 г. Л.И. Брежнев побывал в Югославии, замкнув очередной круг и заложив основы следующему циклу двустороннего сближения.

Парфирьев Д.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Украинская радикальная партия в годы Первой мировой войны

В 1914–1918 гг. Украинская радикальная партия (УРП), вторая по популярности у украинцев Галиции, не оказывала существенного влияния на украинскую политическую жизнь Австро-Венгрии. Такое положение дел

было обусловлено не гегемонией Украинской национально-демократической партии (УНДП): та, несмотря на абсолютный численный перевес во всех украинских политических организациях, была расколота на два противоборствующих лагеря и не могла выступать единым фронтом. Представлять организованную силу УРП не могла по двум другим причинам.

Во-первых, в партийной верхушке УРП, и без того немногочисленной, существовали внутренние противоречия, уходившие корнями в соперничество за лидерство двух виднейших радикалов, Л. Бачинского и К. Трилёвского. К началу Первой мировой войны руководство партией находилось в руках Бачинского и его соратников (Н. Лагодинский, И. Макух), а Трилёвский – популярный в народе политик, пользовавшийся авторитетом в вооруженных формированиях Украинских сечевых стрельцов, – фактически оставался за пределами партийного истеблишмента, но продолжал иметь там своих сторонников (П. Лаврук, И. Сандуляк). В некотором смысле ситуация в УРП напоминала то, что происходило тогда же в УНДП, но, поскольку по численности и политическому весу радикалы в разы уступали национал-демократам, на конstellляции сил в украинском политикуме Австро-Венгрии их внутренние неурядицы почти не сказывались.

Во-вторых, большинство виднейших членов партии не были активны в публичной политике. Выступления в парламенте и полемике в печати они предпочитали практическую деятельность в определенных сферах, таких как помощь украинскому населению Галиции на местах (В. Стефаник, И. Макух) и работа с Украинскими сечевыми стрельцами (К. Трилёвский, О. Назарук). Этим же обуславливалось частое отсутствие политиков-радикалов в Вене и Львове, местах сосредоточения украинской политической жизни в империи Габсбургов.

Отсутствие единства и организованности не позволяло УРП формировать собственную политическую повестку и быть полноценным, самостоятельным участником даже западноукраинской политической жизни, не говоря уже об общеавстрийском политическом процессе. В конечном счете в августе 1918 г. партия была распущена решением большинства ее лидеров.

Пивоваренко А.А.

Институт славяноведения РАН, Москва

**Политическое развитие в Юго-Восточной Европе
в 2013-2017 гг.**

Наращение кризисных тенденций в Евразии вновь поставило ряд «традиционных» проблем для Юго-Восточной Европы, прежде всего для стран Балканского полуострова. Наглядным проявлением этой тенденции стали политические кризисы, так или иначе коснувшиеся ряд стран региона. С 2013 г. массовые политические демонстрации под социальными и политическими лозунгами прошли в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Сербии, Черногории, Хорватии, Македонии; обычным делом стали внеочередные или досрочные выборы. Актуальность темы заключается в том, что, хотя в этих сложностях можно найти минимум три аспекта – внутривнутриполитический, внешнеполитический и социальный, в связи с переменами в международных отношениях ситуацию в регионе представляют как столкновение между Западом и Россией. Своеобразной точкой отсчета в массовом дискурсе предлагается статья в немецком издании «Шпигель» от 17 ноября 2014 г. «Меркель обеспокоена российским влиянием на Балканах». В статье «Шпигель» утверждается, что Россия мешает свободному выбору стран региона вступить в НАТО и ЕС. В пример приводят Черногорию, Македонию, Сербию. Характерно, что в политическом лексиконе каждой из этих стран утвердилось понятие «украинский сценарий». Понятие «сценарий сербской Краины» используется в аналитических материалах по Украине, создаваемых российскими исследователями, подразумевая возможное «силовое» решение конфликта на Юго-Востоке страны. Обострилась проблема евроатлантической интеграции, доказательством чему является ускорившееся продвижение в сторону членства в НАТО Черногории.

Наряду с этим возникают интересные внутривнутриполитические тенденции. Налицо появление новых молодых политических партий, которые бросают вызов традиционным элитам, сформированным в последние 25 лет. Эти силы пытаются формулировать новую политическую повестку и стараются обойти традиционные ограничения, накладываемые идеологией, историческим прошлым, межнациональными отношениями.

Целью доклада является анализ тенденций, проявившихся в странах региона за последние четыре года. Основная гипотеза автора заключается в том, что, хотя означенная проблематика является отражением нарастающих противоречий между Западом и Россией, сама риторика, исходящая в основном из Брюсселя и других центров европейской поли-

тики, служит не причиной, но поводом для директивного решения традиционных проблем региона.

Ридель И.П.

Институт славяноведения РАН, Москва

Сарматский миф и политическое устройство Речи Посполитой в XVI–XVII вв.

В XV в. латинское слово *populus* в юридических документах польского государства обозначало весь польский народ, однако уже в 1550 г. король Сигизмунд Август принципиально разделил в своих указах «народ простой» и дворян («народ шляхетский»). Прекращение существования династии Ягеллонов в 1572 г. породило особое устройство польского государства, при котором дворяне сами выбирали короля, соответственно, высшим правителем в Польше становилась шляхта, узурпировавшая право руководства страной. Уже на первых выборах короля в 1573 г. шляхта официально именовалась «народом Польши», в то время как остальное население страны даже не рассматривалось в качестве ее народа и не имело права участвовать в голосовании.

Генриховы артикулы, подписанные королем Генрихом Валуа на элекционном сейме 20 мая 1573 г., довершили процесс ограничения власти короля и создали дворянскую республику. Ее возникновение стало благоприятной почвой для развития идеологии богоизбранности польско-литовского дворянства. При попытке обосновать систему шляхетской демократии, путем поиска ее причин в Священном писании, а исторических корней – в античности, возник сарматский миф, утверждавший, что все население Речи Посполитой представляет собой потомков двух разных народов. Считалось, что шляхта – это потомки славных «завоевателей»: сарматы по крови, благородные и славные в силу своих природных качеств; простой же люд – это потомки «завоеванных» племен: плебс и «быдло». Этим объяснялось полноправие шляхты и подчиненное положение остальных слоев населения.

Отождествление сарматов и славян между собою обосновывалось предполагаемым совпадением территории их проживания, и ничем более. При этом для сарматизма не имела значения национальная принадлежность шляхтича: все дворяне Речи Посполитой на равных основаниях считались «сарматами». Сеймы до последних дней Речи Посполитой отстаивали идею шляхетского равенства, считая ее основанием республики. Никому не позволялось называть какую-либо часть шляхты

«меньшей» или «низшей»), официально запрещались какие-либо титулы. Однако чаще всего равенство оставалось чисто формальным: например, богатый шляхтич мог подвергнуть порке бедного собрата. При этом мы не всегда даже можем утверждать, кто в рассматриваемый период был реальным шляхтичем, а кто лишь выдавал себя за него, ведь грамотные люди часто находили лазейки в законах, позволявшие им выдавать себя за дворян, а их потомки становились шляхтой уже по праву рождения.

Речь Посполитая становилась для шляхтичей-сарматов идеальным государством, которым правит «народ» (то есть шляхтичи), а король – «брат, а не господин». Польская государственная система считалась богоустановленной, а любые попытки ее изменить – грехом. Основой бытия Речи Посполитой считались «истинная католическая вера христианская» и «золотая шляхетская вольность», а истинный шляхтич считался любимцем небес, Божьим избранником, которому все добродетели даются с избытком. В ответ на это от него требовалось охранять католическую веру, свое шляхетское достоинство и беречь «Богом данную золотую свободу».

Золотая вольность шляхты, свободной от королевского давления, стала одним из главных факторов развития польской культуры. Однако она в итоге привела к самоизоляции Польши, ее чрезмерному консерватизму, отрыву правящей элиты от простого народа и насущной реальности, несостоятельности политической системы и последующему завоеванию государства. Сарматизм является ярким примером возникновения и гибели идеологического мифа: он четко показывает, что идеология рациональна лишь на поверхностном уровне, в глубине же своей она противоречит логике и базируется на нерациональных основаниях.

Сергеенко Е.С.

Институт славяноведения РАН, Москва

Экономическое развитие и внешнеэкономические связи Сербии в конце XIX – начале XX вв.

На рубеже XIX и XX веков Сербия, ставшая в 1878 г. независимой, находилась на экономической периферии Европы. Небольшое аграрное государство напрямую зависело от рынка сбыта, который традиционно находился в соседней Австро-Венгрии. Из экономической зависимости вытекала зависимость политическая. Монархия Габсбургов, которая тогда была единственным по-настоящему сильным государством в регионе, стремилась контролировать своих соседей, в том числе Сербию. С помощью этого контроля Двудеиная монархия надеялась помешать ей укрепить позиции в регионе, а

также сохранить в лице Сербии традиционного поставщика сырья и рынок сбыта для своей продукции, что, безусловно, было для нее экономически выгодным, но после негативные последствия для самой Сербии. В результате экономическая сфера стала одним из направлений сербо-австрийского противостояния в начале XX в..

Смирнов Я.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Внешняя политика Югославии в 1992–1996 гг.

Югославскому кризису и истории собственно Югославии за последние 20 лет было посвящено немало работ, освещавших и исследовавших вопросы причин конфликта, его военно-политическую историю, дипломатические документы. Тем не менее неосвещенным остался один очень важный аспект – внешняя политика «третьей» Югославии (Союзной Республики Югославия, СРЮ) в годы первого этапа Югославского кризиса, то есть с момента ее образования в 1992 г. и до подписания Дейтонского соглашения в 1996 г.

Целью настоящей статьи является дать характеристику внешней политике Югославии в 1992–1996 гг. Для осуществления этой задачи мы выделили несколько основных направлений исследования:

1) рассмотрение основных предпосылок, повлиявших на формирование внешнеполитической конъюнктуры новообразованной СРЮ, и определение основных политических сил в регионе;

2) анализ геополитической ситуации, в рамках которой Югославия осуществляла свою внешнюю политику и выделение задач, вставших перед страной в этот период;

3) прослеживание изменений внешнеполитического курса страны.

В первую очередь, мы рассмотрим ряд внутренних процессов, сыгравших значительную роль в распаде старой Югославии – СФРЮ, и образовании новой – СРЮ. Особое внимание будет уделено процессам отделения Хорватии, а также Боснии и Герцеговины от Югославии, так как во многом именно разногласия югославского руководства с лидерами этих республик заложили фундамент внешнеполитической повестки дня СРЮ в 1992–1996 гг. Одновременно мы внимательно изучим те политические силы, которые имели значительное влияние на развитие ситуации в регионе. В частности, уделим внимание руководству выделившихся из состава СФРЮ республик Хорватии, Боснии и Герцеговины, самопровоз-

глашенной Республики Сербской и Республики Сербской Краины; объектом внимания также стали страны – члены Совета безопасности ООН, принимавшие активное участие в разрешении конфликта, Международный комитет по бывшей Югославии, а также политика указанных стран и организации в отношении СРЮ. Это позволит нам проанализировать геополитическую ситуацию, в рамках которой Югославии приходилось вести свою внешнюю политику в 1992–1996 гг. Основываясь на проанализированных данных, мы сможем выделить те задачи, которые в рамках внешнеполитического курса СРЮ вставали перед страной в этот период. Все это, наконец, позволит проследить изменение внешнеполитического курса страны в течение 1992–1996 гг. Здесь изначально мы можем выделить два ключевых этапа: 1992–1994 гг., когда руководство «третьей» Югославии пытается вести активную политику на всех фронтах, в первую очередь дипломатическим путем продолжая поиск решения накопившихся проблем; и 1994–1996 гг., когда Югославия, изменив свою позицию по ряду важных вопросов, при посредничестве ООН и МКБЮ, а также под давлением США и ЕС приходит к компромиссам с бывшими югославскими республиками и садится за стол переговоров.

Степанов Д.Ю.
Москва

Происхождение славян: концепции и их источники в образованной среде Российской империи в первой половине XVIII в.

Концепции происхождения славян интересны для нас в первую очередь тем, что они являются важной составляющей этнического конструктора и в определенной степени отражают уровень развития этнического самосознания представителей интеллектуальной великоросской и малоросской элиты первой половины XVIII в.

Основные нарративы, содержащие в себе версии о происхождении народов – предков православного населения Российской империи, создавались в первой половине столетия в кругах близких трем крупнейшим интеллектуальным центрам империи – Киево-Могилянской академии, Славяно-греко-латинской академии и Академии наук. В каждом из перечисленных центров формировались свои традиции написания подобных сочинений.

Среди источников исторических сочинений, написанных в первой половине XVIII в. можно выделить сочинения иностранных авто-

ров – Цезаря Барония, Матвея Стрыйковского, а также произведения, созданные в Киеве и в Москве во второй половине XVII в.

В изучаемых произведениях отражен процесс дальнейшей этнизации исторических взглядов их авторов. В следствие развития критического подхода постепенно уходит на второй план традиция поиска происхождения народа «по созвучию» (например «хазары – казаки»), а также дальнейшая секуляризация – так постепенно исчезают легенды о происхождении народов от ветхозаветных персонажей.

Сопов В.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

**Правительствующий совет Сербский
как орган гражданско-правового регулирования
в 1807–1813 гг.**

Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений в повстанческой Сербии сравнительно редко становилось объектом исследования в работах отечественных и сербских историков. Отчасти это можно объяснить довольно слабым освещением этих вопросов в сохранившихся фрагментарно источниках. Вместе с тем, после начала ключевого этапа формирования основ повстанческой государственности в 1807 г. остро встал вопрос о собственности, прежде всего – о переходе прав на землю и имущество турецкого населения Белградского пашалыка, которое было уничтожено или изгнано в ходе восстания. Целостная картина судьбы прав на это имущество поможет решить некоторые спорные вопросы, касающиеся социального строя повстанческой Сербии, и прояснить вопрос о государственно-правовой характеристике освобожденных повстанцами территорий.

Важнейшим органом регулирования процесса перехода прав на отчуждаемое имущество турок Белградского пашалыка стал Правительствующий совет Сербский. По сведениям В.С. Караджича, вскоре после окончательного взятия Белграда в конце 1806 г. Совет занялся продажей мюльков – земельных участков, попавших в результате кризиса военной системы в конце XVIII в. в безусловное владение бывших спахий-тимариотов. Очевидно, в 1807–1808 гг. повстанческое государство *de facto* приняло на себя часть функций «совокупного феодала», поскольку деньги за продаваемое имущество поступали в своего рода государственный бюджет – Народную казну.

Наиболее примечательным моментом рассматриваемого процесса является передача Правительствующим советом прав собственности

на особо ценные владения – дома в Белграде и иных значимых городах пашалыка, переправы на реках, крупные монастырские имения. Анализ тапий — документов, которыми Правительствующий совет подтверждал право собственности на недвижимое имущество, – показывает, что в составе нового слоя крупнейших землевладельцев особую роль играли повстанческие воеводы: М. Милованович, Л. Лазаревич и др. Концентрация крупной собственности в руках нового правящего класса сыграла значительную роль в динамике общественных отношений в повстанческой Сербии.

Интересным явлением деятельности Правительствующего совета Сербского на завершающем этапе Первого сербского восстания стало участие в передаче прав на земли в нахиях воеводам, вновь назначенным в ходе государственных реформ Карагеоргия 1811–1812 гг. В дипломах этих воевод содержались подтверждения права собственности на поселения в своих нахиях, что можно интерпретировать как признак завершения формирования новой военно-административной элиты государства Первого сербского восстания.

Чернышенко Д.Ю.

Библиотека РАН, Москва

Книги из библиотеки П.А. Сырку в частных собраниях славистов (предварительные замечания)

Изучение истории частной библиотеки П.А. Сырку ставит перед нами проблему выявления изданий не только в фондах современных библиотек, но и в частных книжных собраниях отечественных славистов. После смерти П.А. Сырку часть книг из его личной библиотеки поступила в Петербургский университет, в библиотеку Академии наук (БАН), фрагменты библиотеки были приобретены частными лицами. Выявление книг, поступивших от наследников П.А. Сырку в 1906–1908 гг. в фонды БАН, осуществляется на основе работы с архивными материалами («Книги поступлений» Славянского фонда БАН) и в ходе работы с фондами *de visu*. Установление ряда лиц, в частные собрания которых могли попасть книги из библиотеки П.А. Сырку, является непростой и важной задачей. Есть основания предполагать, что после смерти исследователя его книги могли попасть к А.И. Яцимирскому, так как он занимался посмертной публикацией трудов П.А. Сырку, был знаком с его наследниками. В настоящее время мы не располагаем информацией о судьбе личной библиотеки А.И. Яцимирского, возможно, ее постигла участь многих

других библиотек, погибших в перипетиях истории Советской России. Важным открытием для нас стало издание, поступившее в 1916 г. от П.А. Лаврова. На титульном листе имеется владельческая надпись: «9 сент. 1878 Русчук». Эта надпись позволяет нам атрибутировать это издание как принадлежавшее П.А. Сырку. Нам неизвестны подробности, при которых это издание попало в библиотеку П.А. Лаврова и позже было передано в Славянский фонд БАН. Но мы предполагаем, что это произошло после смерти П.А. Сырку в 1905 г. Не вызывает сомнения факт знакомства двух славистов, в одно время претендовавших на должность профессора по кафедре славянской филологии в Петербургском университете. Еще одно издание, принадлежавшее П.А. Сырку, мы обнаружили в собрании И.И. Срезневского, которое поступило в Славянский фонд БАН не позднее 1903 г. В годы обучения в Петербургском университете П.А. Сырку посещал лекции И.И. Срезневского, о чем свидетельствует его автобиография. Это издание также имеет владельческую надпись: «*A lui Sircovu*», которая является свидетельством его принадлежности к библиотеке П.А. Сырку. Можно предположить, что издание было подарено И.И. Срезневскому до его кончины в 1880 г.

Установление лиц, в чьи собрания поступили издания, ранее принадлежавшие П.А. Сырку, является важным аспектом для формирования целостного представления о судьбе библиотеки П.А. Сырку. Изучение частных собраний и библиотек может оказать помощь в выявлении научных связей внутри славистического сообщества второй половины XIX – начала XX вв. и сформировать представления о книжной культуре этого периода.

Амелина А.В.*Институт славяноведения РАН, Москва***Утопичность в романе Марии Майеровой
«Площадь Республики»**

Мария Майерова – мэтр чешской социалистической литературы и одна из самых выдающихся фигур чешской литературы XX в. вообще, признанный классик, журналист, публицист, политический активист рабочего коммунистического движения, после «бархатной» революции забытая почти на 20 лет издателями и литературоведами и вновь вызвавшая к себе интерес у читателя и исследователя в 2010-х гг. новаторской и авангардной стороной своего творчества (в первую очередь, романом «Плотина»).

Как и многим другим убежденным коммунистам, Майеровой было присуще утопическое сознание, которое нашло выражение в ее текстах. Изображая Советскую Россию после посещения её в 1924 г. в изданной в следующем году книге очерков «День после революции», писательница претендует на историческую правду, и, тем не менее, получившийся образ – Россию, словно из сказки её детства – можно называть утопическим *. В романе «Плотина» (1932) писательница демонстрирует другую сторону утопического сознания и создает, на этот раз намеренно (в отличие от очерков), антиутопию, хотя, что касается жанра, роман значительно отходит от канона, ещё, впрочем, в то время не сформированного. «Плотина» выделяется на фоне десятков утопических и антиутопических романов, к тому времени вышедших в Чехии, прежде всего тем, что автор утопическую форму выбирает из цензурных соображений (о чем она сама потом напишет). Переносясь в недалекое будущее, критически изображая пражское общество накануне готовящейся «утопической» революции и подрыва строящейся плотины, она словно насмехается над жанром не только утопии (что и есть суть жанра антиутопии), но и над антиутопией (это проявилось и в том, что подрыв плотины оказался фикцией), тем самым вновь возвращая читателя к утопии, но уже воспринимаемой писательницей как достижимая реальность.

* См.: Амелина А.В. Утопичность в восприятии Советской России в чешской среде в 1920–1930-е гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // Русский человек и Россия в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 305–320.

Между тем в своем раннем романе «Площадь Республики» (1914), написанном под впечатлением от поездки во Францию и основанном на реальных событиях, Майерова, описывая быт и характеризуя взгляды французских анархистов, настроена по отношению к их утопии крайне скептически. Отсутствие четкой программы действий и организации, необходимых для социальной революции, о которой грезит автор, аморфность лидеров, гедонизм, опора на моральное перерождение общества вместо его материальной трансформации, – все это не приемлет чешская писательница как недостаточную, слишком абстрактную и размытую, далекую от реальности утопию, противопоставляя ей при этом свою утопию, достижимую: «Лука предчувствовал назревающую революцию – скорые суды, кровавые казни тиранов, разрушение ненавистных зданий, динамит под тюрьмами, бегство банкиров и биржевиков за границу, братские объятия солдат и революционеров, переселение обитателей подвалов в роскошные венские особняки в центре города» *.

Баранова М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Психология сексуальности в произведениях Милана Кундеры

Основанием для исследования темы человеческой сексуальности в творчестве М. Кундеры явилось, прежде всего, авторское новаторство, проявившееся в раскрытии этой темы для чешского и мирового читателя. Писатель придает особое значение сексуальному аспекту взаимоотношений персонажей, что позволяет рассуждать об уникальности раскрытия психологии героев его произведений.

Обилие научных исследований конца девятнадцатого – начала двадцатого века, касающихся сексуальной жизни человека и половой любви, позволяют нам разделить их по аспектам изучения: анатомико-биологический (физиологический), психологический (психоаналитический) и философский. Примечательно то, что, умышленно не наделяя героев какими-либо физиологическими свойствами, писатель делает сексуальность одной из отличительных черт, определяющих их характер, поведение и судьбу, что наводит на мысли о, в некоторой степени, литературном воплощении психоаналитических идей З. Фрейда. Физиологические особенности автор упоминает преимущественно в контексте эро-

* *Майерова М.* Площадь Республики. Лучший из миров. М., 1970. С. 10.

тической сцены, однако чаще всего они выполняют не описательную функцию, а служат психологическим фактором, детерминирующим и дополняющим поведение и ход мыслей героя. Таким образом, само сексуальное взаимодействие автор не рассматривает с анатомико-биологической точки зрения, обращая физиологию «на служение» психологическому (психоаналитическому) и философскому подходу изучения эротической составляющей жизни человека. Именно в этом для Кундеры проявляется творческий потенциал сексуальности – в полном раскрытии героя, в его духовном обнажении. Интересно подчеркнутое автором различие между физическим актом, пусть не лишенным взаимного платонического влечения, и любовью. Подобное разделение плотского и духовного перекликается с идеями таких философов, как А. Шопенгауэр, В. Соловьев, Н. Бердяев, Э. Фромм.

Примечателен также уникальный авторский нарратив, используемый Кундерой при описании эротических сцен. Он часто представляет рассуждения не как отвлеченный авторский монолог или сухое описание происходящих событий, но как откровение главного героя, при том что в подавляющем большинстве романов Кундеры повествование ведется от третьего лица. Такая специфика позволяет читателю смотреть на происходящее своими глазами и глазами героя одновременно.

Тем самым М. Кундера делает раскрытие психологии своих героев уникальным, пропуская его сквозь призму эротических желаний персонажей и их удовлетворения, литературно воплощая им фундаментальные философские и психоаналитические воззрения на сексуальность человека и базируя его на особом авторском нарративе.

Бырина А.В.

*Институт славяноведения РАН –
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва*

Творчество Павла Виликовского в оценке словацкой критики

Павел Виликовский (род. 1941) – словацкий писатель, переводчик и публицист, чей творческий путь, начавшийся ещё в 1960-е гг., охватывает более полстолетия. Творчество Виликовского можно разделить на три периода: 1960-е гг. (появление первых рассказов писателя на страницах журнала «Млада творба», своеобразной трибуне молодых авторов-экспериментаторов, издаваемом с 1965 по 1970 гг.); 1983 г. (публикация романа «Первая фаза сна») – около 2000 г. (возвращение после вы-

нужденного молчания в ряды наиболее значимых словацких писателей); 2000-е гг. – современное творчество. Также следует отметить, что при изучении творчества Виликовского второго периода необходимо обращать внимание на тот факт, что в это время писатель издавал как новые произведения, так и написанные «в стол» за период «нормализации» старые тексты, переработанные и дополненные под воздействием изменения политической и литературной ситуации в стране. 2000-й год в качестве начала нового, третьего, периода в творчестве писателя выбран потому, что именно с этого времени можно говорить о смене вектора развития литературного процесса в Словакии в целом.

Первый рассказ Виликовского «Более чем, когда угодно» был напечатан в журнале «Млада творба» в 1961 г. За ним последовали другие рассказы, а уже в 1965 г. вышел первый сборник писателя «Воспитание чувств в марте». Сборник не остался незамеченным. Известный литературный критик Милан Гамада в своей рецензии * писал, что в книге сталкиваются две тенденции: стремление писателя отобразить плюрализм мнений и стремление подобрать наиболее точное определение какому-либо явлению.

Интерес словацкой критики к творчеству Павла Виликовского не ослабевает и по сей день. Вызывают интерес как недавно изданные, так и самые ранние произведения. Критика обращает внимание на такие аспекты творчества Виликовского, как авторский метод: использование различных типов интертекстуальности, эксперименты с возможностями языка, жанровые модификации, методы создания внутритекстовой реальности и др. Другой блок проблем составляет рассмотрение творчества Павла Виликовского в контексте смены литературных течений (реализм, постмодернизм, постреализм) и в контексте поколения писателей, вошедших в словацкую литературу в 1960-е гг. (П. Виликовский и Р. Слобода, П. Виликовский и Л. Баллек и др.). Третий блок составляют основные темы и проблемы, которые поднимает в своём творчестве писатель, а именно: тема таланта, назначение писателя, тема добра и зла, тема духовного и телесного, тема одиночества и др.

* *Hamada M. O čistotu prózy. Bratislava. Kultúrny život. Roč. 21. 1966. Č. 3. S. 5*

Лунькова Н.А.

Институт славяноведения РАН, Москва

Поэтика пространства в цикле рассказов С. Стратиева «Одиноким ветряным мельницам»

Цикл «Одиноким ветряным мельницам» (1969) болгарского писателя С. Стратиева может быть рассмотрен как сверхтекстовое единство. Одним из важных структурообразующих факторов здесь является спациональный. Цель доклада – анализ пространственных структур, основных хронотопов в их соотносительности с доминирующими в рассказах точками зрения.

В аспекте героя-рассказчика, повествующего о своем детстве, пространство разделено на идеализированный мир родной улицы и актуальный мир, лишенный теплоты домашнего уюта и детской беззаботности. В аспекте точек зрения других персонажей возможно иное структурирование пространства: замкнутый внутренний мир, «домашний» хронотоп (естественными границами которого служат заборы и стены, окна и двери, начало и конец улицы) и противопоставленный внешний мир (соседние улицы, районы, весь город и его окрестности в целом).

При исследовании основных хронотопов предполагается анализ оппозиций свое/чужое, близкий/далекий. Внутренний мир для персонажей – реализация идиллического хронотопа, и нарушение баланса между членами этих оппозиций приводит к конфликтным ситуациям. Через соответствующий героям тип пространства автор характеризует их в нравственном отношении: «домашний» мир идеализирован, его обитатели не могут быть несправедливыми, жестокими, и именно здесь живет Человек, который никогда не лгал.

Существенным свойством пространственной структуры, обусловленной особенностями детского мировосприятия, является сочетание реального и воображаемого, волшебного. Фантастический хронотоп заполнен, как правило, природными объектами, обладающими антропоморфной подвижностью (например, луна, ветер), и характеризуется беспредельностью, отсутствием границ. К амбивалентным (внешне ограниченным, но внутренне бесконечным) пространствам в первую очередь относятся часто используемые для детских игр сад и чердак, служащие границей между волшебным и бытовым хронотопами, но принадлежащие одновременно им обоим.

Анализ специальных структур в цикле «Одиноким ветряным мельницам» позволяет проследить, как реализуются проблемы памяти, самоидентификации в раннем творчестве писателя.

Маслова К.К.*Институт славяноведения РАН, Москва***Противопоставление образов робот/человек-робот
(К. Чапек, Е.И. Замятин, О. Хаксли, А. Азимов)**

Карел Чапек – знаменитый чешский писатель, создатель нового персонажа научной фантастики, семикратный номинант Нобелевской премии, переводчик, замечательный фотограф-любитель, а также коллекционер ковров и кактусов *. Человек, который глубоко чувствовал окружающий мир, пропускал его через себя и приносил что-то своё во всё, чем бы ни занимался.

Мировую известность принесла Чапеку его драматургия. Знаменитая пьеса «R.U.R.» была переведена на 30 языков и поставлена на всех крупнейших сценах мира. Чапек в произведении использует необычный приём – вводит в научную фантастику жанр драмы.

В пьесе «R.U.R.» мы встречаем сюжет, вполне традиционный для западноевропейской литературы XX в.: восстание машин против поработившего их человека и/или гибель человека от последствий индустриализации. Однако здесь появляется новый образ в научной фантастике – робот. Новаторство его не только в оригинальности и необычайной точности названия, но ещё и в том, что здесь роботы – не просто механическое подобие человека, но уже из плоти и крови, в некотором смысле полная замена человеку. Предтечей этого образа может служить загадочный Голем, созданный пражским раввином Лёвом в услужение человеку и восставший против него (этот вопрос достаточно хорошо изучен в чешском

* Одна из популярнейших чешских детских книг «Дашенька, или Жизнь щенка» («Dášeňka či li život štěněte», 1933 г.) снабжена иллюстрациями и снимками, сделанными самим автором. Также свою любовь к фотографии он выразил в рассказе «Человек и фотоаппарат», который актуален и по сей день: «<...> удачный снимок представляет собой нечто дарованное свыше, нечто сверхъестественное». Коврам посвящены замечательные рассказы «Редкий ковер» («Čintamani a ptáci», 1929 г.) и «Восток» («Východ», 1923 г.). Кактусы были им воспеты в рассказах «Похищенный кактус» («Ukradený kaktus», 1921 г.) и «О любителях кактусов» («O pěstitelích kaktusů», 1929 г.).

литературоведении *). Сам Чапек писал, что сходство пьесы с преданием о Големе он осознал только после того, как пьеса была уже напечатана.

Справедливости ради заметим, что идея «искусственного существа» прослеживается в культуре ещё с античных времён. Так, искусственные создания впервые упоминаются в древнегреческом мифе о Кадме, который, убив дракона, вырастил солдат из его зубов. В другом древнегреческом мифе Пигмалион мольбами к Афродите вдохнул жизнь в созданную им статую – Галатею. Также в мифах про Гефеста говорится о том, что он создавал себе различных слуг.

Карел Чапек связал традицию, существовавшую с древнейших времён, с современностью. С появлением пьесы «R.U.R.» от автора к автору идёт трансформация образа машины, взаимоотношений искусственного и естественного. Образ робота не всегда используется буквально, т. е. только в качестве механической замены человека. Подчас мы встречаем новую концепцию «человек-робот». Человек, потерявший человеческие качества и действующий по некоей заложенной «свыше» программе действий. Человек, потерявший свою историю, опыт, накопленный за тысячелетнюю историю существования человечества, передающийся от пращуров новому поколению, и, в первую очередь, посредством семейного воспитания. Таких людей-роботов мы видим в романе Е.И. Замятина «Мы» (сходный образ встречаем и у О. Хаксли «О дивный новый мир»). У героев нет полной разносторонней истории, нет родителей, нет детей, нет чувств. Немного иной, позитивный образ присутствует в рассказах А. Азимова. «Человек-робот» у него – это некое подспорье человечеству, существо, которое хочет быть равным своему создателю. Быть ему другом. Быть ему братом.

Когда-то открытый Чапеким новый герой – робот – успешно укоренился в литературе, живописи, скульптуре и музыке. Он продолжает активно развиваться и модифицироваться от автора к автору: от образа собственно механического нечто, через образ «человек-робот» со знаком минус до образа «робот-новый человек» со знаком плюс.

* *Adamovič I.* Slovník české literární fantastiky a science fiction. Praha, 1995; *Buriánek F.* Z literárně vědných studií. Praha, 1985; *Vlašín Š.* Kniha o Čapkovi. Praha, 1988

Токаревских С.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**Проблема «женского письма»
в современной чешской литературе
(на материале рассказов антологии «Dámská jízda») ***

Доклад представляет собой часть исследования, в котором рассматривается антология рассказов «Dámská jízda» (2016) с позиций гендерного литературоведения и феномена «женского письма». Термин «женское письмо», впервые введённый Э. Сиксу в эссе «Хохот медузы» («Le Rire dela Méduse», 1975), впоследствии приобрёл и иные толкования, нежели заложенное в нём изначально. Сиксу подразумевала акт письма, призванный раскрыть подавленный потенциал женщин, освободить их от мужского типа языка и деконструировать его. В современном гендерном литературоведении этот термин используется скорее для обозначения неких формальных стилистических особенностей, обусловленных в определённой мере гендерной идентификацией автора.

Особенно интересно наблюдать гендерную проблематику в контексте чешской литературы, так как авторы-женщины и женская литература всегда играли важную, а иногда и доминирующую роль в чешском литературном процессе. Сборник «Dámská jízda» был выбран неслучайно: в нём представлены рассказы современных чешских писательниц, как известных, так и начинающих. Составленный подобным образом, сборник позволяет наиболее точно и разносторонне отобразить ситуацию и наметить тенденции женского письма последних лет. Доклад посвящён первому рассказу сборника со знаковым названием «Medúza» П. Соукуповой. Соукупова – писательница, сценаристка, лауреат самой престижной чешской литературной премии «Magnesia Litera» 2010.

В данном рассказе Соукупова отступает от безэмоционального сценарного стиля повествования, свойственного её романам. Она пользуется простыми конструкциями, простой лексикой для яркого описания эмоционального состояния героини. Тема, однако, является сквозной для всего творчества писательницы – дисфункция традиционной семьи и глубокий упадок межличностных отношений, подчинённое положение женщины в современном обществе.

* Буквальный перевод с чешского – «Женская езда» – *прим.ред.*

Усачёва А.В.*Институт славяноведения РАН, Москва***Рецепция творчества Э. Ионеско в СССР и России**

Основной интерес советских литературоведов к творчеству Э. Ионеско пришелся на конец 60-х гг., однако таких программных работ, как во Франции, США и Великобритании, написано не было. Наиболее полный обзор драматургии Ионеско принадлежит перу А.Н. Михеевой *, которая делает попытку анализа основных пьес писателя. К тому же она дает представление о французском авангарде в период между двумя войнами и после Второй мировой войны, прослеживая тенденции не только в литературе, но и в музыке и живописи.

Еще одно значительное исследование – книга Т.К. Якимович «Драматургия и театр современной Франции» (1968) **. Это обзор французского театра 1950–1960 гг. Кроме анализа пьес и различных направлений драматургии, автор также дает теорию театра абсурда, причем не просто пересказывает одноименную работу М. Эсслина, но и отражает полемику в литературоведческих кругах по поводу этой книги.

Отличительной особенностью советских работ является идеологическая антибуржуазная направленность ***, которая очевидно мешает объективной оценке творчества Ионеско.

В два последних десятилетия наблюдается новый всплеск интереса к французскому драматургу. В конце 90-х гг. выходит статья

* *Михеева А.Н.* Когда по сцене ходят носороги... Театр абсурда Эжена Ионеско. М., 1967.

** *Якимович Т.К.* Драматургия и театр современной Франции. Киев, 1968.

*** Например, «...ни один честный художник не может оставаться в стороне от жгучих вопросов времени...» – Михеева А.Н. Когда по сцене ходят носороги... С. 167–168. Или то, что писатели, подобные Ионеско, «...извращают облик реальной действительности и деморализуют людей, идейно разоружают их в борьбе с "абсурдным миром"...» – Там же. С. 169; «Позиция Ионеско... – разменная монета модернистской эстетики... Ею широко пользуются идеологи "антиидеологического", а, по существу, – буржуазно-конформистского искусства» – Якимович Т.К. Драматургия и театр современной Франции. С. 108.

М. Яснова* «Поверх реальности», предлагающая провести переоценку представлений о театре Ионеско. Тогда же начинает появляться большое количество кандидатских и докторских диссертаций по литературе, философии и лингвистике, объектом исследования которых становятся произведения театра абсурда в целом и Ионеско в частности.

Данный доклад представляет собой анализ советских и современных работ, посвященных драматургу, а также особенностей восприятия его творчества в разные исторические эпохи.

Шатько Е.В.

Институт славяноведения РАН, Москва

Переводческие стратегии В. Флакер и М. Чолича при переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

В 1969 г. в Югославии вышел первый перевод романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на сербохорватский язык хорватской переводчицы Виды Флакер. В 1986 г. появился новый перевод романа на сербский язык, подготовленный Миланом Чоличем. В настоящее время на территории Сербии, Хорватии, Черногории и Боснии и Герцеговины оба перевода считаются классическими. В докладе будет представлен сопоставительный анализ двух переводческих стратегий с точки зрения передачи географических названий (Патриарший переулоч – *Patrijaršij skisokak, Patrijaršij skaulica*; Садовое кольцо – *Sadovo koljce, Sadovi prsten*), предметов быта (подсолнечное масло – *suncokretovo ulje, zejtin*; гривенник – *sitni šod deset kopejaka, novči ćod deset kopejki*), имен собственных (Кот Бегемот – *Maćak Behemot, Maćor Behemot*; Азazelло – *Azazello, Azazel*), реалий общественной жизни (Угрозыск – *kriminalistički odjel, kriminalistički odsek*; Литературная газета – *Književne novine, Literaturna gazeta*, Жилсовет – *stambena zajednica, savet stanara*) и др. В обоих переводах практически отсутствуют комментарии переводчика к тексту. Хорватская переводчица прибегает к приемам транслитерации, транслитерации с уточнением или дополнением (внутри текста или в сноске) и полукальки при передаче реалий, вместе с тем избегая перегруженности текста. Сербский переводчик Чолич предлагает несколько иной подход: он также использует приемы транслитерации и полукальки, однако чаще обращается к приему освоения, что позволяет сделать текст перевода более легким для понимания читателя.

* *Яснова М. Поверх реальности // Ионеско Э. Носорог. СПб, 2008. С. 292–313.*

Бакаева А.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Лексика новогреческого похоронного обряда

Данная работа основана на полевых материалах, собранных в результате нескольких экспедиций в следующие греческие села: Алона (Левкосия, Кипр), Агио Пневма, Эммануил Папас, Нео Сули (Центральная Македония, ном Серрес), Колиндрос (Северная Греция, Пиерия). В общей сложности нами было опрошено более 200 человек мужского и женского пола, в возрасте от 50 до 97 лет. Основная цель настоящей работы – составление этнолингвистического словаря. Главной практической задачей словаря является выделение инвентаря основных значимых элементов, что возможно лишь на фоне максимально полного представления о структуре обряда в греческой традиции. Выявление особенностей лексики похоронной обрядности было выстроено по схеме: предсмертное состояние (агония, предвестники смерти) – прелиминальный период (действия до погребения) – лиминальный период (похороны) – постлиминальный период (поминки, траур, действия, совершаемые после погребения).

Используемая информантами лексика в большинстве своем является общегреческой. Ее можно разделить на две группы: лексика, употребляемая исключительно при похоронном обряде и лексика, семантический объем которой, распространяется и на другие сферы. К первой группе можно отнести глагол ‘отпевать’, который передается через лексему *διαβάζω* с винительным падежом без предлога; существительное *κηδεία* ‘похороны’. Гроб обозначается несколькими синонимичными лексемами: *φέρετρο*, *κάσα*, *κιβούρι*, причем чаще всего употребляется слово *φέρετρο*. Ко второй группе относятся такие лексемы, как *κιβώτιο*, *σεντούκι*, *τασάκι*, *κουτί*, *κασελάκι*, *συρτάρι* (ящики, в которых сначала отпеваются, а потом хранятся в костнице изъятые из земли кости). При этом лексема *σεντούκι*, которая переводится как ящик, в плане содержания имеет два значения: гроб и ящик для костей. Мы рассматривали лексику исключительно с точки зрения похоронной обрядности. В повседневной речи данные слова используются не только для обозначения ящиков, в которых хранятся человеческие кости, но и для обычных ящиков, в которых могут лежать другие предметы. Также можно отметить лексему *σεντόνι*,

которая дословно переводится как ‘простыня’ и используется в этом значении в повседневной жизни. Однако в похоронном обряде она приобретает иное значение и переводится как ‘саван’.

Важным для нашего исследования было выявить в лексиконе жителей сел слой специфической лексики, свойственной только им и неизвестной остальным (лексика, не зафиксированная в толковых новогреческих словарях). Например, ночную птицу в селе Агио Пневма называют *γκαϊλι*: «Και η μάνα μου έλεγε – πήγαιναν τα πουλιά εκεί και είχε και κάτι μαύρα πουλιά τα έλεγαν γκαϊλια. Κακό γινόταν. Ο θάνατος». (И мама сказала мне – полетели туда птицы и они были черные, их называли ночные птицы. Плохое случилось. Смерть).

В селе Колиндрос специфичным является глагол *αρμενιάζω* ‘блуждать’. «Τον νεκρό δεν τον αφήνανε μόνο του. Έλεγαν να μην αρμενιάσει». (Покойного не оставляли одного, как говорили, чтобы он не встал). Лексема *αρμενιάζω* не встречается в литературном новогреческом языке. Ее можно соотнести с лексемой *αρμενίζω* ‘блуждать’. Данное слово в селе было видоизменено, но семантика осталась прежней.

В селе Алона отмечена лексема *λαζάρωμα* ‘облачение в саван’ и производный от нее глагол *λαζαρώνω* ‘облачать в саван’. «Λαζαρώνω σημαίνει ντύνεις τον πεθαμένο με το σάβανο». (Облачать в саван – значит надевать на умершего одежду покойного). Происхождение лексемы *λαζάρωμα* восходит к еврейским корням. В церковном словаре Г. Дьяченко есть статья на данную лексему: «Лазарома – (евр.) = гробная одежда, плащаница, кою тела усопших обыкновенно у евреев обвивали» [Дьяченко 1993: 278].

В близлежащих друг от друга селах Эммануил Папас, Агио Пневма и Нео Сули эксгумация передается через лексему *ξενάχωμα*. «Μετά έξι-εφτά χρόνια τα κόκκαλα του νεκρού παίρνουν από τον τάφο. Γίνεται ξενάχωμα». (После шести-семи лет кости покойника изымают из могилы. Это называется эксгумация). Существительное *ξενάχωμα* происходит от глагола *ξεχώνω* ‘извлекать, выкапывать из земли’. Если его разобрать по составу, то мы выделим префикс ‘ξε’, который имеет несколько значений: противоположное действие или состояние; прекращение, окончание действия; усиление, увеличение; пребывание где-либо от начала до конца; извлечение или удаление [Μπαμπινιώτης 1998: 1210]. В данном случае мы имеем дело с последним из перечисленных значений. Вместе с корнем ‘χωμ’ (*χώμα* – ‘земля’) этот префикс дает буквальное значение лексеме: «извлечение из земли».

Литература

Дьяченко 1993 – *Дьяченко Г.М.* Полный церковно-славянский словарь. Издательский отдел Московского Патриархата, М., 1993.

Μπαμπινιώτης 1998 – *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της νέας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, Κέντρο Λεξικολογίας, 1998.

Бакшаева А.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

**Приставка/предлог об- и от-
в Христинопольском Апостоле XII в.**

Доклад посвящен рассмотрению особенностей отражения приставок об- и от- в Христинопольском Апостоле (АпХр). Это рукописный памятник середины XII века, отличающийся высокой степенью унификации и нормализации форм и содержащий важные свидетельства начального этапа падения редуцированных гласных.

В.М. Марков указывает на значительную степень специфичности функционирования префиксальных морфем и предлогов ввиду их относительной самостоятельности.

Лексемы с предлогом/приставкой об- могут быть разделены на следующие группы:

1. Приставка об- + корневая морфема, начинающаяся с [в], [в’]. В этом случае происходит ассимиляция -бв- и упрощение групп согласных: *обладающее* 60.2; *обладають* 129.2; *облакь* 280.2; *область* 34.2; *обльчьеть ся* 100.1, *обътованьє* 1.2; *обильно* 63.2; *обида* 16.2; *обазавъше* 66.2; *обитахомь* 23.1 и т.д.

2. Приставка об- + корневая морфема, начинающаяся с [л], [л’], [н], [н’], [р], [р’]. Вставочный редуцированный гласный также отсутствует: *обле/гохомь* 20.2; *обличение* 18.2; *облобы/захути* 22.1; *обложень* 263.2; *обльгчи/ша* 38.2; *обница* 185.1; *обновление* 112.1; *обръзати* 5.1; *обруче/ние* 174.2 и т.д.

3. Приставка об- + корневая морфема, начинающаяся на гласный звук. Это примеры: *обуздати* 47.2, *обу/вьше* 221.2, *обуимь* 20.1, *обуяшия* 102.1

Помимо лексем с приставкой об-, в АпХр есть ряд примеров с префиксом обь- (связанным с приставкой оби, количественное чередование): *обьходящихь* 17.2, *обь/ходяща* 78.2, *обьхожение* 90.1; *обьходящъ* 222.2, *обьхожены/мь* 279.1, *обьтече* 88.1; единичный пример предлож-

но-падежного сочетания с предлогом об: *поймъ/ше павла ведоша об ноць въ анти/патриду 29.2.*

Приставка от- в АпХр имеет лигатурное написание, что в ряду других палеографических черт может указывать на подтверждение датировки рукописи XII веком. Тем не менее, число так называемых «развёрнутых» написаний значительно (21 пример). В подавляющем большинстве примеров наблюдается вставочный редуцированный непереднего ряда (неорганический гласный): *отъ диавола 69.2* *втѣ въры 101.2*, *по отЪ/кръвению 130.2*, *отъ/щетить ся 142.1*, *отъмътанше 196.2* и т.д.

Таким образом, в АпХр наблюдается возникновение неорганического гласного исключительно в приставке/предлоге от, «развёрнутое» написание которого в ряде случаев может свидетельствовать о древности антиграфа. Данные факты подтверждают вывод о том, что рукопись АпХр отражает начальный этап падения редуцированных гласных.

Войслова С.С.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

Фразеологизмы с опорным компонентом *сон/сън* в русском и болгарском языках: опыт лексикографического описания

Доклад посвящен сопоставительному анализу русских и болгарских фразеологизмов с опорным компонентом *сон/сън* (27 единиц в русском языке, 22 единицы в болгарском). На данном материале будут также обсуждаться возможности двуязычного лексикографического описания фразеологизмов и включение в словарную статью культурного комментария.

Материал был получен на основе сплошной выборки одноязычных и двуязычных русских и болгарских словарей. Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что фразеологические сочетания в данных языках и шире – лингвокультурах – в большей степени совпадают.

В работе была поставлена задача создать структуру экспериментальной словарной статьи двух близкородственных языков (русского и болгарского). В качестве заголовочных единиц выступают русские и болгарские фразеологизмы с опорным компонентом *сон/сън*. Словарную статью предполагается снабдить лингвокультурным комментарием.

Данные фразеологизмы были проанализированы с точки зрения сходства и различий по ряду параметров:

1. Написание фразеологизмов – *мертвый сон/мъртъв сън*

Поскольку и в русском и в болгарском языках используется киллициа, то здесь имеет место значительное сходство.

2. Произносительные нормы – *заснуть вечным сном /заспивам вечен сън* – минимальные отличия, почти совпадают.

3. Значение. Русские и болгарские фразеологизмы могут иметь сходство в значении и в форме выражения, например, рус. *сон праведника*, болг. – *сня праведен сън*; рус. *спать вечным сном*, болг. – *заспива вечен сън*.

Русские и болгарские фразеологизмы могут иметь сходство в значении, но различаться по форме выражения, например: рус. *не смыкать (сомкнуть) глаз*, болг. – *сън не ми идва*.

Возможно отсутствие эквивалента в одном из языков, например, фразеологизм *сон в руку* не имеет эквивалента в болгарском языке.

4. Стилистическая маркированность – Фразеологизма *на сон грядущий* в болгарском языке не существует, в русском языке некоторые словари снабжают его пометой шутливое.

5. Частотность употребления

Ситуативное клише *спокойной ночи* в русском и *лека ноц, сладки сънища* в болгарском употребляется очень часто. В докладе будут рассмотрены примеры из Национального корпуса русского языка и Болгарски национален корпус.

6. Прагматический компонент

Фразеологизм *на сон грядущий* скорее употребит человек среднего или старшего возраста, в речи молодежи он не встречается.

7. Внутренняя форма фразеологизма

Интересно отметить внутреннюю форму в *спокойной ночи* и *сладки сънища*. Если обратиться к буквальному прочтению смысла: в русском языке фразеологизм описывает сон как спокойный, а в болгарском – как сладкий.

Разработка словарной статьи для русско-болгарского лингвокультурного фразеологического словаря ведется с учетом опыта двуязычной лексикографии. При написании лингвокультурного комментария предполагается также использовать некоторые идеи, положенные в основу культурного комментария в Большом фразеологическом словаре под редакцией В.Н. Телия.

Гусева В.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Корова коробит, рыба рыдает. Примеры народной этимологии в архангельских говорах

Для того, чтобы понять, что такое «народная этимология», мы обратились к нескольким источникам. «Народная этимология – переделка заимствованного слова по образцу близкого по звучанию слова родного языка на основе ассоциации значений» [Ожегов, Шведова 1997: 913]. Основной элемент в определении народной этимологии – переделка заимствованного слова. Не менее важным фактором для переделки слов является мотивация.

В исследовании мы используем данные картотеки «Архангельского областного словаря» МГУ им. М.В. Ломоносова. Ложная этимология опирается на принципы паронимической аттракции (близость фонетического звучания разных слов), на попытку разделения малопонятного слова на части, на переосмысление значений и др. Чаще всего ложная этимология встречается в толкованиях снов, топонимах и названиях праздников.

Ярким примером паронимической аттракции является толкование снов.

Покойник ~ покой. Покойник ~ погода. Рыба ~ рыдать.

Ещё одна область, где часто возникает ложная этимология, – топонимы. На территории Русского Севера топонимы часто имеют финно-угорское происхождение. Иноязычное слово надо включить в знакомый круг, приблизить к родному языку, поэтому топонимы подвергаются этимологизации. Приведем примеры топонимов с иноязычным этимоном, включающим вымышленное мифологическое имя: Деревня **Ровда**. Деревня **Котажка**. Другое объяснение топонимов связано с паронимической аттракцией.

Объяснение получают не только иноязычные топонимы, но и топонимы русского происхождения с русским этимоном: деревня Пустынь.

Другой прием – чтобы придать слову смысл, его разделяют на части: деревня **Чекуево** ~ чека + его или чека + междометие эва.

Народная этимология часто встречается в названиях праздников. Причем в случае с названиями праздников с русским этимоном происходит переосмысление значений. Вместо Покрова Пресвятой Богородицы

возникает образ Покрова-батюшки, который либо покрывает землю снегом, либо невесту женихом: **Покров ~ покрыть**.

Названия праздников с иноязычным этимологом: **Маковей**. *Маккавей* в [православной церкви](#) – день памяти [Семи святых мучеников Маккавейских](#), 14 августа. **Маковей ~ мокрый, мокнуть, макать**. Другое толкование: **Маковей ~ мак** (растение).

Народная этимология – сложное явление, которое недостаточно изучено на сегодняшний день. Нет даже общепринятого понимания термина. Но если лингвисты обязаны отличать народную этимологию от научной, то носители диалекта лишь пытаются понять, осмыслить и объяснить слова родного для них языка.

Литература

Ожегов, Шведова 1997 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Егоров И.М.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Проблемы синхронного фонетико-фонологического описания польского переселенческого говора в Хакасии и в Красноярском крае

В польской диалектологии накоплен достаточный опыт диахронического описания говоров, тогда как их синхронному описанию уделялось и уделяется меньше внимание. В силу этого перед автором данного доклада встают проблемы, которые в полонистике редко решаются на аналогичном диалектном материале. Доклад представляет собой фрагмент исследования, которое было начато автором в рамках выпускной работы бакалавра, посвященной синхронно ориентированному описанию одного польского переселенческого говора в Юго-Западной Сибири. Цель доклада – сформулировать некоторые проблемы, возникающие при синхронном описании фонетико-фонологической системы данного говора, и предложить их решение.

Говор, о котором идет речь, распространен в двух населенных пунктах: в с. Знаменка Богградского р-на Республики Хакассия и в д. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края. Предки современных носителей говора первоначально переселились из Восточной Пруссии на Волынь, а затем в 1890-е гг. в Енисейскую губернию. Сейчас

насчитывается около 60 носителей говора, 12 из которых проживают в Александровке и порядка 50 – в Знаменке.

В таблицах приводится инвентарь консонантных и вокалических фонем. Фонологический статус единиц, взятых в скобки, неясен.

Место образования		Лабиальные		Дентальные		Альвеолярные		Альвеопалатальные	Палатальные	Велярные	
		не-палат	палат	не-палат	палат	непалат	палат				
Способ образования		не-палат	палат	не-палат	палат	непалат	палат				
Шумные	Смычные	глух	p (p')	t	(t')					k	
		звон	b (b')	d	(d')					g	
	Фрикативные	глух	f (f')	s	(s')			□		ç	
		звон	v (v')	z	(z')			□			
	Аффрикаты	глух			ç				□		
		звон			ʒ				□		
Вибранты								(□)			
Сонорные	Аппроксиманты		□		(λ)		l		□		
	Носовые		m	(m')	n	n'					

Подъем \ Ряд	Передний	Средний	Задний
Верхний	i	(y)	u
Средне-верхний	(e)		(o)
Средне-нижний	e		o
Нижний		a	

В докладе будут обсуждаться (1) трудности фонологического описания в ситуации отсутствия в материале, собранном в ходе полевых исследований, минимальных пар, (2) статус фонем, воспринятых из русского языка (в первую очередь палатализованных согласных), в системе

говора и их отношение к своим фонемам, (3) проблема многообразия факкультативных вариантов альвеопалатальных согласных фонем, (4) вариативность в реализации гласных и статус этих вариантов, (5) фонематический статус элементов, представленных в речи лишь отдельных информантов.

Каменецкая В.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

«Воспоминания Тамбовского купца...»: вопросы состава и языковых особенностей рукописи

Материалом исследования послужили фрагменты рукописи «Воспоминания Тамбовского купца, его очерки о калмыках и других народностях и рассуждения на религиозно-нравственные темы» конца 1 четверти XIX в. (РГБ, ф. 138, ед.хр. 210). Рукопись на 184 листах написана 2 почерками на бумаге 1817 г. На внутренней стороне переплета имеется запись читателя: "Читаль крестьянин Села Кировнови (?) Михаил Григорьевич Мушникович". В настоящем докладе мы рассмотрим грамматические и фонетические особенности фрагмента – записей дневникового характера, который составляет 28 страниц рукописного текста.

Нарушение литературной нормы:

1. Употребление И. и В. пп. мн.ч., существительных среднего рода, оканчивающихся на «и», «ьи», «ии», «ы»: «положить оружию на землю» [Виноградов 1982: 200].

2. Употребление Р.п. мн.ч. среднего и женского рода существительных на «иев», «ев», «ов»: «владениев» [Виноградов 1982: 201].

Соблюдение литературной нормы:

1. Р. и П. пп. ед.ч. мужского рода существительных с окончанием «у», такие как «отдыхали до часу 6-го» или «претерпели страху» [Виноградов 1982: 202].

2. Т.п. мн.ч. существительных, оканчивающийся на «ьми»: «кистьми».

3. Формы ед.ч. м.р. И.п., оканчивающиеся на «ой», «ей», такие как «несчастной годь» или «проворной, ловкой и отчаянной человекь» [Виноградов 1982: 202].

4. Формы Р.п. ед.ч., прилагательных ж.р. с окончанием «ья»/»ия»: «пльчевныя зрелищы» [Краткая грамматика 1787].

5. Предполагаемый автор использует книжные формы «аго», «яго», «ого» и «его», например, «покойнаго родителя», «добраго утра» [Виноградов 1982: 203].

Глагол.

1. Употребление формы деепричастий разного происхождения. Во-первых, деепричастия, восходящие к кратким действительным причастиям И.п. ед.ч. м.р. с суффиксом «в», например, «отобедав». Во-вторых, разговорные формы деепричастий, образованные от бывших действительных причастий И.п. ед.ч. ж.р. с суффиксом «вши», например, «севши на лошадей» [Галинская 2016: 408–409].

Особенности фонетики в разных частях речи.

1. Полная и краткая форма окончаний в разных частях речи, например, «с верностию» или «клеванья птиц». Оба употребления считаются допустимыми [Греч 1834: 67].

2. Полное окончание «ою» в словах ж.р. Т.п. ед.ч., с основами, продолжающими праславянский тип на *-ā-: «снег с водою», – вместо факультативной редукции [Галинская 2016: 109].

Таким образом, можно утверждать, что в исследованных дневниковых фрагментах рукописи наблюдается разностороннее употребление грамматических форм, как соответствующих, так и нарушающих грамматическую норму начала XIX века.

Литература

Виноградов 1982 – *Виноградо В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XII–XIX веков. М., 1982.

Галинская 2016 – *Галинская Е.А.* Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2016.

Греч 1834 – *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1834.

Краткая грамматика 1787 – *Краткая российская грамматика*, СПб., 1787.

Климова К.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

К вопросу о славянских заимствованиях в новогреческой мифологической лексике

Система мифологических персонажей (далее – МП) современной Греции сильно отличается от древнегреческой. Во-первых, все составляющие новогреческую систему существа относятся к так называемой «низшей» мифологии, к «нечистой силе». Во-вторых, сведения об этих

персонажах можно почерпнуть из немногочисленных и сравнительно поздних источников, часто дающих только косвенное представление, в то время как античная мифологическая система была тщательно проработана и зафиксирована, что во многом было обусловлено ее статусом официальной религии. В-третьих, греческая культура претерпела серьезные исторические изменения, связанные с многочисленными длительными контактами с другими этносами, что не могло не отразиться на мифологических воззрениях современных греков.

Система новогреческих МП состоит из множества разнородных образов, среди которых выделяется группа центральных персонажей (не-реиды, стихьо, вурдалак, мойры, каликандзары, смердаки, дьявол), обладающих развернутыми характеристиками, имеющих обширные ареалы распространения на территории греческого мира, наиболее часто упоминаемых в мифологическом контексте; и второстепенных персонажей, сведения о которых более скудны.

Исторические условия постоянных контактов греков с языками и культурами южнославянского ареала привели к появлению в новогреческой системе некоторых новых МП, которые восходят к славянской традиции. Так, например, произошли МП *мора* и *смердаки* и соответствующие лексемы (*мѡра*, *смерѡаки*), представления о которых, очевидно, перенимались греками у славян. В других случаях заимствовалось только слово, так, например, довольно рано в греческий язык пришла славянская лексема *върколак* > *βρκόλακας*, затем она получила широкое распространение, однако основные характеристики славянского персонажа (например, способность к оборотничеству) в греческую культурную традицию не перешли.

Интересный пример славянских заимствований – термин *смерѡаки*, который фиксируется в Гортинии. Корень слова, если отбросить греческий суффикс *-акс*, несомненно славянский. Это термин, употребляемый в демонологии славян, осевших в этом районе около середины VII в., и еще сохраняющий свой изначальный семантический контекст *смѣрѡдъ* "устрашающий". Поверья об этом вредоносном демоне, насылающем болезни на скот и «крадущем» молоко, характерны для всего греческого континуума от Крита до Эпира, однако названия этого персонажа сильно различаются в зависимости от локальной традиции. Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с реликтами некоего раннеславянского верования или с остатками поверий об отдельном персонаже славянской демонологии, который был ассимилирован демонологией греческой.

Новогреческая мифологическая лексика представляет собой интереснейший материал для научного исследования, изучать который можно с помощью разных методов анализа: с помощью этимологического анализа имени или названия МП можно определить исторические корни происхождения самого персонажа; посредством анализа внутренней формы слова – выявить в новогреческом и южнославянских языках то общее, что объединяет мифологию этих регионов (общие представления и способы номинации, основанные на каком-либо едином балканском концепте или схожие представления о важном мифологизированном явлении).

Ковригина Е.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

«Чур бы не в урок».

**Народные представления об уро́ках (сглазе)
в говорах архангельского региона**

Современная научная парадигма имеет антропоцентрическую направленность. В центре внимания исследователей оказывается изучение взаимосвязей языка и народной культуры, менталитета и народного творчества. Важное место в лингвистике занимают этнолингвистические исследования, объектом изучения которых является не только непосредственно сам язык, но и весь пласт содержания народной культуры: различные ее формы, вербальные, акциональные, ментальные, в которых проявляется коллективное сознание.

Народная медицина – это особая, культурно обусловленная область человеческого знания, основывающаяся на архаичных и традиционных представлениях человека о мире.

В говорах архангельского региона (по материалам картотеки «Архангельского областного словаря») *уроки* – это насланная болезнь, которая приходит извне по изъявлению злой воли человека, а именно через сглаз:

Зглас-то к уро́кам отнёсицца, ска́жут изуро́читься. Дак это и йесь уро́ки, она́ згласы-то зна́ла. Уро́ки-те уш я не зна́ю, та́м уш на́до шэптáть мно́го. Уро́ки – прóсто ска́жэш и заболéйеш. У ины́х глазá та-ки уро́сливы.

Новорожденные дети особенно уязвимы для уроков. «Изуроченные» младенцы перестают спать, много плачут:

От уро́коф – когда́ ребёнок пла́чет, напри́мер, говоря́т што зауро́чили. Ра́ньшэ уро́коф мно́го зна́ли, дете́й оборо́чивали мно́го. И кто́-

*то йевó тóжэ изурóчил, позáрились на ребéнка, позáрились, што он та-
кóй бéленький. Вод бедá-то как реве́, но́шками бьёо, зарéвлеваца.*

У взрослых людей уроки становятся причиной головной боли, жара, тошноты, рвоты, возбудимости, безумия:

*При́де домо́й, темпeрату́ра, уро́кий – сурóчат йeгó. Чeлoвeк за-
болé с уро́коф, йeвó фся́ко залoмáйт, невмeня́емый, скáжут изурóчился.
Oнá пeрeсeлaси, пoтяну́лaси, прoсты́глa фся́, э́тo тeбя́ ктó-нибу́ть изу-
рóчит, тaк кaкú уро́ки, a э́тo прoсты́глa oнá, кaбы́ть бáбы вьлeчили, aк
кудá пoйeдeм лeчи́цa.*

Уроки приводят человека к смерти:

*Мáмa-тo нáшa гoвpи́лa, бáбушкa Мáрья с уро́коф умерлá, ктo-тo
зглáзил. У мeня бáбушкa Áнна тóжo умерлá с уро́коф.*

Подвержены урокам и домашние животные:

*Порoсьтaм – и тeм дeлaли oт уро́коу; вoт пpинeсу́т пoрo-
сéночкa - бeгaэт, шу́сьтpeнькoй; a кaк пpидeт ктó чюжсoй, пoсмóтpит
– ой, у тeбя́ э́к пoрoсéнoчeк.*

Для того, чтобы избавиться от уроков, необходимо прочитать специальные слова и совершить ритуальные действия. Большинство обрядов связаны с баней и омовением больного человека:

*Чeрeс скóбу пoтчя́рпывaш вoды́чку – чeрeс тpи скoбы́ – "кaк вo-
дá с рyчки стeкáйт, тaк и уро́ки с мoйeй Áнны сьтeкúтe". Бepём вoт
э́ту вoды́чку, умывáйтeм peбéночкa, нaбиpáйтeм в рoт вoды́ и
спpы́скивaйтeм peбéнка.*

Такое восприятие уроков в первую очередь связано с особенностями народной языковой картины мира, которая характеризуется мифологизированным восприятием окружающего мира, повседневной деятельности деревенского жителя и межличностных взаимоотношений.

Марачева З.Г.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**Эсхатологическая тема
в храмовой монументальной живописи
второй половины XVII – начала XVIII вв. на примере
стенписи церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи
в Рощенье г. Вологды**

Вторая половина XVII – начало XVIII вв. – сложный и противоречивый период в истории отечественной культуры, одним из ключевых событий которого стала церковная реформа патриарха Никона и после-

довавший за ней внутрицерковный раскол. Особую популярность в это время приобретает тема Страшного Суда и светопреставления, нашедшая широкое отражение в литературной и живописной традиции [Панченко 1984]. В настоящем докладе на примере стенописи церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Рощенье г. Вологды (1717 г.) – памятника, который ранее не становился предметом специального изучения, рассмотрен новый иконографический извод, впервые появившийся в храмовой мону-ментальной живописи в первые десятилетия после раскола [Турцова 2004].

Речь идёт о включении в программу росписи сюжетов из ветхо-заветной книги «Песнь Песней», в основу иконографии которых были положены одноимённые гравюры из Библии Пискатора, изданной в Голландии в 1650 г. и пользовавшейся на Руси большой популярностью [Бушева-Давыдова, Рутман 2002]. В стенописи Иоанно-Предтеченской церкви данный цикл занимает два нижних регистра на западной стене храма и включает в себя шесть композиций, для прочтения и осмысления которых необходимо обращение к святоотеческим толкованиям на «Песнь Песней», как одну из священных книг Ветхого Завета.

Содержание этого загадочного произведения, повествующего о любви царя Соломона и бедной девушки Суламифи, было по-разному трактовано восточными и западными богословами. Если первые трактуют его, как образ любви Христа к Церкви, то вторые – как хвалебный гимн Богородице [Егоров 2005]. На основании иконографического анализа был сделан вывод, что «Песнь Песней» в Иоанно-Предтеченской стенописи, несмотря на использование западноевропейского образца в качестве иконографического прототипа, иллюстрирует толкование, принятое Православной Церковью. Поэтому в росписях вместо Соломона представлен Христос, а вместо Суламифи – царственная жена, символизирующая Церковь, невесту Христову. Данное прочтение соотносится со словами Апокалипсиса: «яко прииде брак Агнций, и жена Его уготовила есть себе» (Откр.19:7). Согласно толкованию, под Агнцем здесь разумеется Христос, а под женой – Церковь. Сам же брак означает соединение Христа с Церковью в жизни будущего века [Откровение 2006].

Эсхатологическое звучание «Песни Песней» усиливается во взаимосвязи с композициями, расположенными на уровне нижнего регистра росписи на южной и северной стенах храма. Так, в сводах окон иллюстрации к первым двум главам Апокалипсиса, а в арочных проемах – композиции из житий двух ветхозаветных пророков Еноха и Илии, явление которых должно стать первым знаменем воцарения антихриста [Бессонов 2014]. Следовательно, совместное расположение данной группы сюжетов в пространстве

Иоанно-Предтеченской церкви было призвано напомнить верующим о грядущем Страшном Суде и о конечных судьбах мира.

Таким образом, в заключении мы приходим к выводу, что иллюстрация «Песни Песней» в храмовой монументальной живописи второй половины XVII – начала XVIII вв. может рассматриваться, как аллегорическое изображение эсхатологической темы, интерес к которой значительно возрос в отечественной культуре на стыке двух эпох – позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Литература

- Бессонов 2014 – *Бессонов И.А.* Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014.
- Бусева-Давыдова, Рутман 2002 – *Бусева-Давыдова И.Л., Рутман Т.А.* Церковь Ильи пророка в Ярославле. М., 2002.
- Егоров 2005 – *Егоров Г.В.* Священное Писание Ветхого Завета. М., 2005.
- Откровение 2006 – Откровение святого Иоанна Богослова. С параллельными местами и толкованиями. Житомир, 2006.
- Панченко 1984 – *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Турцова 2004 – *Турцова Н.М.* Иконографический вариант «Богородица Вертоград заключенный»: проблема интерпретации // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. СПб., 2004. Т. 56.

Мирвода Т.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Русские детские страшные истории в контексте мирового интернет-фольклора

Жанр современного русского городского фольклора «детские страшные истории» является неотъемлемой составляющей и страшного фольклора сети.

На данный момент существенная часть представленных в сети страшилок, наравне со скопированными текстами из книг и архивов, является продуктами творческой жизнедеятельности самих интернет-пользователей.

Можно выявить несколько механизмов возникновения историй типа “страшилка” в Сети: 1) пересказ текста, услышанного вне Интернета; 2) собственное сочинительство на мотив или в стилистике страшилки 3) компиляция, редактирование и "адаптация" уже имеющихся страши-

лок (замены прежних реалий современными, например компьютер вместо телевизора, айпод вместо куклы и т.п.).

Есть и еще один способ возникновения сетевых страшилок – перевод с иностранного языка, в контексте нашего материала – с английского.

Ознакомившись с представленными английскими "оригиналами" (по отношению к русскому переводу) и реакцией на них иностранных читателей, приходим к выводу – жанра, эквивалентного русским детским страшилкам, в англоговорящих странах нет, хотя есть близкородственные жанры, такие как *jump tales* (пугалки) и *sleepover games* (вызывалки).

Переводчики рассматриваемого нами сайта обозначили страшилки как *childrens stories*. На другом ресурсе они были названы *bogeyman stories*. Кроме этого англоязычные версии некоторых страшилок оказались в разделах *funny stories*, *stupid stories* и *campfire stories*.

Первые из найденных нами переводов русских страшилок на английский относятся к 2010 году. С тех пор их база каждый год понемногу пополняется.

На рассматриваемом нами сайте в качестве детских страшных историй из России представлено 32 текста, в общей же сложности обнаружено 50 текстов, заимствованных из русского фольклора. Однако среди них лишь 17 действительно являются переводами страшилок. Ещё 10 текстов под вопросом (они тоже явно возникли под влиянием страшилок, но ими не являются – их то ли исказили при переводе, то ли переводчик имел дело с уже "испорченными" текстами). Оставшиеся тексты относятся к городским легендам, быличкам и крипипастам. Многие из них дословно переведены "обратно" на русский и тиражируются нашими ресурсами с крипипастой.

Но ни для одной из представленных на иностранном ресурсе страшилки не было найдено дословного русскоязычного прототипа.

Мы предполагаем три возможных способа возникновения данных текстов: 1) они переданы по памяти со слов носителя или самим носителем; 2) это сфабрикованные тексты, созданные переводчиками на основе прочитанных русских историй, не только страшилок; 3) это дословные переводы с какого-то третьего языка. Но у каждого из этих способов имеются свои опровержения.

Англоязычные варианты передают не все особенности страшилок, но, несмотря на расхождения с каноном, жанр узнается с первых же строк.

Литература

Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения. М., 2005.

Мирвода Т.А. Феномен крипипасты в русском и польском интернет-пространстве // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 24 мая 2016 г. М.: ИСл РАН, 2016. С. 38–39.

Николаева С.В.

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург*

О метрике и исполнении старших духовных стихов

Часто встречающееся в работах о ДС указание на одинаковые характеристики стиха ДС и былины не проясняет основных особенностей метрики ДС. Трактовка самого былинного стиха до сих пор остается спорной, а метрика ДС не описана вовсе — за исключением наблюдения М.Л. Гаспарова, полагавшего, что стих ДС — это «скрещение метрики былин и метрики молитвословия» [Гаспаров 1997: 93].

Приведенные замечания являются предварительными результатами наблюдений над корпусом ДС, в который вошли тексты из сборника А.В. Маркова «Беломорские старины и духовные стихи» [Марков 2002], из неизданных ранее материалов экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» [Соколовы 2007] и собрания А.Д. Григорьева [Григорьев 2002–2003]¹. Одно из важных отличий ДС — обилие *стихов с довольно короткими строками* (преимущественно десятисложными или даже менее, а не свойственные былинному стиху 10–16 слогов) и *стихи с недактилическими окончаниями* (обычно — женскими). Более того, оказывается, что для стиха разных сюжетов (или, может быть, групп сюжетов) характерен свой тип клаузулы.

В просмотренных мной текстах преимущественно дактилическое окончание имеют варианты таких сюжетов, как Голубиная книга, оба сюжета ДС о Егории (Мучения Егория и змееборческий сюжет), по видимому, к ним относится и Федор Тирон (в моем корпусе его не оказа-

¹ Ранее на этом же материале был проделан формульный анализ ДС. Основные результаты этой работы были изложены в докладах на нескольких конференциях, см. следующие публикации тезисов: [Николаева 2012, 2015, 2016].

лось, но просмотр вариантов из основных собраний ДС это подтверждает). Женская клаузула присуща ДС об Алексее человеке Божьем, стиху о Вознесении. Вероятно, дальнейшая проверка вариантов разных сюжетов даст новые сведения для уточнения выявленных закономерностей.

Указанные особенности метрики ДС и те свойства поэтики ДС, которые были рассмотрены мной ранее при анализе формульного репертуара ДС, заставляют думать, что в исполнении ДС и былины есть принципиальные отличия. Формульный анализ показывает, что формулы в ДС являются скорее принадлежностью сюжета, то есть повторяющиеся сочетания повторяются в разных вариантах одного и того же сюжета, а не в корпусе/репертуаре одного сказителя — как это происходит в эпосе. Если стих, как и формульный репертуар, также оказывается признаком не жанра повествовательных ДС как целого, а отдельных сюжетов, то, значит, основная техника сказителя при исполнении (и, видимо, усваивании) ДС — не такая, как при исполнении эпоса, не импровизация, для которой сказитель усваивает лишь ядро сюжета и излагает его, пользуясь выработанными навыками сюжетосложения и собственным формульным репертуаром. В ДС формульные и стиховые признаки конкретного варианта (исполнения — в трактовке А.Б. Лорда) определяются не индивидуальностью сказителя, а характером сюжета. В таком случае, по-видимому, нужно предполагать технику, противоположную импровизации, и говорить о заучивании, запоминании текста.

Литература

- Гаспаров 1997 — *Гаспаров М.Л.* Русский народный стих // Избранные труды. Т. 3. О стихе. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 54–131.
- Григорьев 1904 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: с напевами, записанными посредством фонографа. М.: Изд. Император. Акад. наук, 1904. Т. I. Ч. I.
- Марков 2002 — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Отв. ред. Т.Г. Иванова; подгот. издания С.Н. Азбелева, Ю.И. Марченко; ред. коллегия: С.Н. Азбелев, А.А. Горелов, Л.И. Емельянов. СПб.: Изд. дом «Дмитрий Буланин», 2002.
- Соколовы 2007 — Неизданные материалы экспедиций Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / Вступ. статья, подготовка текстов, научного комментария, справочного аппарата В.А. Бахтиной. Т. 1. Эпическая поэзия. М.: Наука, 2007.

- Николаева 2012 – *Николаева С.В.* Некоторые результаты формульного анализа старших (эпических) духовных стихов // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Международной школы-конференции – 2012 / Сост. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев. М.: РГГУ, 2012. С. 22–27.
- Николаева 2015 – *Николаева С.В.* О формуле и метрике в старших духовных стихах // Рябининские чтения. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 382–394.
- Николаева 2016 – *Николаева С.В.* О формуле и метрике в старших духовных стихах // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 24 мая 2016 г. М.: ИСл РАН, 2016. С. 42–44.

Онуфриева Е.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

**Коммуникативно-прагматическая функция
речевых формул-комментариев
(на примере новогреческого языка)**

Согласно определению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского речевые формулы – это идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания [Баранов, Добровольский 2008: 81].

Особенностью речевых формул-идиом является сочетание в них двух взаимосвязанных качеств: ситуативности и идиоматичности [Ирисханова 2014: 228]. Включение идиомы в конкретный акт коммуникации предполагает тесную связь с соответствующим контекстом. Это приводит к тому, что такие идиомы проявляют устойчивость не только собственного смысла, но и устойчивость прагматической функции в рамках определенной коммуникативной ситуации [Ирисханова 2014: 228–229]. Речевые формулы-комментарии выполняют в тексте функцию комментирования определенных аспектов ситуации общения [Баранов, Добровольский 2008: 81].

На материале текстов новогреческого языка можно выделить следующие типы речевых формул-комментариев.

1. Комментирование говорящим общего смысла собственного высказывания или событий и обстоятельств, изложенных в собственном высказывании.

«*Βρισκόμαστε, αλλά κάποιες φορές δεν θέλει ούτε εμένα. Κι αν επιμένω, νευριάζει, τότε μου κλείνει το τηλέφωνο, άλλοτε λέει ότι [...] τον ευχαριστεί περισσότερο να μένει σπίτι του παρά να τριγυρνά στους δρόμους. Δεν βρίσκεis άκρη*». [Μίγγας 2015]

«*Мы видимся, но иногда он не хочет видеть даже меня. А если я настаиваю, он нервничает, то сбрасывает мои звонки, то говорит, что [...] ему больше нравится сидеть дома, чем бродить по улицам. Замкнутый круг. [букв. не находишь кончика]*». (Здесь и далее перевод с новогреческого языка выполнен автором работы).

С помощью идиомы «*Δεν βρίσκεis άκρη*» говорящий оценивает описанную им ситуацию как запутанную и в целом для него нежелательную.

2. Комментирование говорящим нетривиальности или неуместности высказывания или действия собеседника.

«*“Ποιο βιβλίο είναι αυτό;” Εξακολουθεί ακάθεκτη η εισβολή.*

“Μαντάμ Μποβάρί είναι ο τίτλος”.

“Μαντάμ, ε; Του Ψαθά; Το ‘χω δει στην τηλεόραση με την Παναγιωτοπούλου”.

Μάλιστα. Τώρα δέσαμε». [Σταμάτης 2010]

«*“Что это за книга?” – следует стремительный натиск.*

“Её название – Мадам Бовари”.

“А, Мадам? Которую Псафас написал? Я видел ее по телевизору с Панайотопулу”.

Отлично. Приплыли. [букв. сейчас привязали]».

Идиома «*Τώρα δέσαμε*» употреблена как речевая формула-комментарий, дающая оценку высказыванию собеседника как неуместному и неверному.

Общим для приведенных примеров является то, что они выражают авторскую рефлексию и носят характер субъективной оценочности. Поскольку в современной лингвистике оценочность может рассматриваться как категория коммуникативного уровня [Сальникова 2009: 115], можно сказать, что идиомы-комментарии объединяются общей коммуникативно-прагматической функцией.

Литература

Баранов, Добровольский 2008 – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: 2008.

Ирисханова 2014 – Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: 2014.

Сальникова 2009 – Сальникова Ю.А. Проблема оценочных речевых актов в лингвопрагматической концепции. Вестник ДВГСГА. Серия 1. Гуманитарные науки, № 1(2) 2009.

Μίγγας 2015 – Μίγγας Δ. Έρωξ ανίαιτος. 2015. www.books.google.com

Σταμάτης 2010 – Σταμάτης Α. Θρυλικές ιστορίες. 2010. www.books.google.com

Петрова Д.А.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

«Взаимодействие финно-угорских и славянских культур на территории Волго-Клязьменского региона на примере образов деревянной домовой резьбы»

Деревянное зодчество представляет собой одну из наиболее характерных и выразительных в художественном и семантическом значении составляющих материальной и духовной культуры прошлого нашего народа. Изучение происхождения мотивов, образов, символов и оберегов домовой резьбы требует обращения к истории нашего народа и населяемого им региона.

Повышенное внимание к вопросу взаимодействия славянских и финно-угорских племен определяется интересом и особой значимостью для понимания процессов сложения и формирования древнерусской народности. Долгое время эту проблему сводили лишь к изучению механического поглощения одного этноса другим. В XX в. интерес к финно-угорским племенам снизился, отрицалась их роль в формировании древнерусской народности. В настоящее время проведены археологические раскопки в области Волго-Окского междуречья, получен новый материал, освещающий культуру финно-угорских племен, а также картину появления в этой области славяно-русских поселенцев. Но во многом вопрос о культурном взаимовлиянии этих племен еще мало изучен.

Материалы и археологические находки из погребений говорят нам о сходстве и родстве всех племен, проживавших на территории Поволжья до прихода славян. После прихода славян на эти земли на основании артефактов материальной культуры мы можем говорить о всевозрастающем влиянии славянских племен на культуру поволжских народов. Одним из путей ассимиляции одного этноса другим является заключение межэтнических браков. При образовании разноэтнических семей, все население поселка приобретало смешанный облик и сочетало в себе черты славянского и финно-угорского. Однако этнос, при сопоставлении признаков, оставался все-таки славянским.

Изучаемый регион сохранил много черт финно-угорского мировоззрения, мифологические образы которого мы можем видеть в деревянной домовой резьбе вплоть до сегодняшнего дня. Но мы не можем утверждать, что эти образы имеют только финно-угорское происхождение, т. к. в процессе ассимиляции и культурного взаимодействия традиции племен влияли друг на друга, смешивались и усваивали множество элементов друг от друга. Древние культы сохранились в сознании человека, трансформировались и получили новую художественную жизнь в деревянном зодчестве.

В процессе регионального взаимодействия финно-угорских и славянских племен возникает культурный синтез. Культурное взаимодействие на славяно-финском пограничье характеризуется как сплав древнерусских и общезинских традиций. Впоследствии, при доминировании славяно-русских элементов культуры происходило ослабление местных племенных обычаев. Благодаря культурному взаимодействию с финно-угорскими племенами орнаментальные сюжеты сосуществовали, переходили друг в друга, наслаивались, адаптировались и закреплялись в местных художественных традициях. Деревянная изба как модель жилья была заимствована у соседей финнов и приспособлена к местным условиям. А приемы деревянной резьбы сформировались как система религиозных символов, защищающих благополучие дома. В резьбе использовались орнаменты, основные элементы которых сложились в памяти народа с древнейших времен. В их рисунок так же постепенно включались мотивы, заимствованные у ассимилированных народов. Мифологические образы соседних племен внесли в систему декора новое содержание, связанное с космологическими представлениями финно-угров. Они получили новое осмысление и трактовку в деревянном зодчестве, подстроившись под местные традиции. Характер декора в регионе сложился в процессе культурного взаимодействия, происходившего на его территории, являясь продуктом культурной ассимиляции.

Румянцева О.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Специфика словотворчества в польской поэзии для детей

Поэзия входит в жизнь ребенка с раннего возраста и является необходимым условием его когнитивного развития. Нами была поставлена задача выявить наиболее типичные способы словотворчества, которые используют польские авторы стихотворений для детей.

В качестве источника материала был выбран веб-сайт <http://wierszykidladzieci.pl/>, где представлены стихотворения авторов разного времени, в том числе сборники Юлиана Тувима и Агаты Видзовской-Пашак. Всего рассмотрено 826 стихотворений 42 авторов, анализируемый лексический корпус насчитывает около 105 тысяч слов. В корпусе было выявлено 122 окказиональных слова.

Отметим следующие особенности поэзии для детей, определившие специфику механизмов словотворчества:

1) Стихотворения для детей создаются с учетом возраста: к малышам обращаются с большим количеством диминутивов и звукоподражательных слов. Часто вводятся элементы игры. Для этой группы стихотворений типичными являются рифмованные конструкции (существительное + определение-приложение), такие как *kaczka-temperaczka* (Barton, *Są na świecie takie babcie*).

2) Детские стихотворения создают волшебный мир. Частотным приемом оказывается антропоморфизация (типа *Pani Arbuzowa* (Mleko, *Dieta Pani Arbuzowej*)) и перенос нарицательных имен существительных в собственные (типа *Pani Noc* (Kasa, *Pani Noc*). Языковая игра в примере *zaśmiał się konik: Ihahaha!* (Rozdoba, *Świnka sprężynka*) позволяет создать взаимопроникновение реального и выдуманного мира, в котором животные наделены человеческими качествами и способностями.

3) Отличительной чертой стихотворений для детей является установка на юмор и игровой характер. Это приводит, в частности, к изменениям графического облика. В качестве примера приведем лексему *jaaaaaaaaaamnik* (Widzowska-Pasiak, *Jaaaaaaaaaamnik*), где изменение графики воспроизводит визуальный образ героя (*jamnik* – по-русски ‘такса’).

4) Проведенная работа выявила, что шире всего представлены окказиональные имена существительные (номинации героев стихотворений.) Окказиональные прилагательные образованы от окказиональных существительных (*bulbulkowy* (Dafner, *Bulbulki*)), большая часть глаголов – от междометий (*tralalować* (Tuwim, *O panu Tralalińskim*)).

5) Иногда окказиональные имена собственные, употребленные в стихотворениях, становятся прецедентными именами, что является этапом на пути их полной лексикализации (*Unia samosia* [GazetaWyborcza, *Kto z kim do wyborów, 1993-06-04*]).

6) Среди способов образования окказиональных и потенциальных слов наиболее распространенными являются следующие: контаминация (*hipoblotam* (Widzowska-Pasiak, *Hipopo lubi błoto*)), слияние

(*Wąsabyłsk* (Karcz, O gycerzu Tuptatu)), построение слов с вымышленными корнями (planeta *Wora Wora* (Widzowska-Pasiak, Ucholudek), «фокус-покус» прием (*paleczka-tralaleczka* (Tuwim, O panu Tralalińskim)). Большая группа слов образована также с помощью узуальных средств словообразования, опирающихся на использование продуктивных моделей, например, с суффиксом –ак: *Bitelsiaki* (AnnaWidzowska-Pasiak); словосложение: *król Wierciobrzech* (Karcz, O gycerzu Tuptatu); усечение диминутивного/ квазидиминутивного суффикса: *poducha* (Mleko, Muchy lasuchy).

Скачедубова М.В.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

К вопросу об интерпретации сочетания глагола *бытии* в прошедшем времени и *-л-* причастия в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях²

Сочетания глагола *быти* в прошедшем времени и *-л-* причастия обычно интерпретируются как плюсквамперфект. Плюсквамперфект имел два основных значения – «предшествование в прошедшем» и «результативность в прошедшем». В связи с эволюцией системы прошедших времен в древнерусском языке, у плюсквамперфекта появлялся ряд других значений: антирезультативное, давно прошедшее, выделительное значения.

Как показал анализ Ипатьевской летописи (ИЛ) и 1-ой Новгородской летописи (НПЛ), сочетание «*быти* в прош. вр. + *-л-* форма» не всегда объясняется одним из предполагаемых для плюсквамперфекта значений. Контексты, которые не вписываются в традиционную трактовку, можно разделить на две группы.

1. Сочетание «*быти* + *-л-* форма» может стоять в одном ряду с аористами, обозначая действие, одновременное действию, выраженному аористом, ср.:

ИЛ Л. 223 (Игорь) *и то рекъ. перебрете Донгыъ и тако приида ко Сѣсколоу. и жда два днѣ. брата своего Всеволода тотъ бѣ-шелъ инемь поуте(м). ис Коурьска* – действия, выраженные аористом, и плюсквамперфектом, одновременны. Таким образом, говорить о предшествовании основному моменту повествования мы здесь не можем. Увидеть

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

здесь выделительную функцию плюсквамперфекта вряд ли возможно, скорее наоборот, плюсквамперфектом выражено побочное действие, которое поясняет главное – *жда*.

2. Рассматриваемое сочетание регулярно употребляется в контекстах со словами «*в то же время/тогда же (и т.п.)*», ср.:

НПЛ мл. Л. 195 об. *Тои же зимы хлѣбъ бяше дорогъ въ Новѣгородѣ; а въ Плесковѣ почалъ бяху грабити недобрши людие села и дворы в городѣ и клѣти на городѣ* – действие *почалъ бяху грабити* является следствием, а не причиной того, что хлеб подорожал, т.е. классического для плюсквамперфекта предшествования здесь нет.

Т.к. везде у рассматриваемого сочетания отсутствует компонент значения «предшествование», а в большинстве случаев присутствует значение одновременности, *-л-* форму с бытийным глаголом следует понимать как сочетание бытийного глагола с причастием: «был шедшим», «были начавшие» и т.д. Если *-л-* форма могла употребляться самостоятельно как «обычное» причастие прошедшего времени (что подтверждается как древнерусским летописным материалом, так и данными других славянских языков), логично сделать вывод о том, что такое же употребление было возможно и с бытийным глаголом в прошедшем времени. Таким образом, перед нами не плюсквамперфект, а свободное сочетание глагола-связки и причастия. Скорее всего, наряду с перфектом и плюсквамперфектом существовали также свободные синтаксические сочетания глагола-связки с *-л-* причастием, которые конкурировали с «обычным» причастием прошедшего времени и «отвоевывали» себе определенные дискурсивные контексты.

Спалек О.Н.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Гидронимы в польской фразеологии

Особое место в польской фразеологии занимают фразеотопонимы – фразеологические единицы (ФЕ), содержащие в своем составе наименования географических объектов. При этом одним из наиболее многочисленных классов топонимов, представленных в польской фразеологии, являются гидронимы. В ходе исследования нами было собрано 49 ФЕ, содержащих 14 наименований водных объектов.

Большую часть гидронимов в составе польских ФЕ составляют потамонимы – названия рек (46 ФЕ и 11 наименований), что объясняется не только особенностью природы и географического расположения

Польши, но и важной ролью рек в хозяйственной жизни, культуре и истории народа.

3 ФЕ содержат также отличные от потамонимов гидронимы: океаноним – название океана; пелагоним – название моря; лимноним – название озера.

Небольшое количество данных имен собственных (ИС) коррелирует с относительно редким употреблением существительных *озеро, море, океан* и образованных от них прилагательных в польской фразеологии.

По отношению к местонахождению референта гидронимы, содержащиеся в составе польских ФЕ, можно поделить на номинирующие отечественные реалии и номинирующие зарубежные водные объекты.

Являясь частью ФЕ, гидронимы, как и другие классы ИС, могут влиять на мотивацию фразеологического значения. Это объясняется тем, что они не просто выполняют категориальную функцию, но и обладают целым набором коннотаций, которые актуализируются в рамках ФЕ. При этом в основе метафорического переосмысления гидронима может лежать целый ряд особенностей и свойств обозначаемого им денотата:

1) географическое положение:

Posyłać za Dunaj, букв. «посылать за Дунай», т.е. ‘посылать далеко’;

2) свойства, в том числе его размер, полноводность, характер течения:

Szuka wody w Wiśle, букв. «ищет воду в Висле», т.е. ‘не быть в состоянии найти очевидного’;

Kręty jak Pilica, букв. «извилистый как Пилица»;

3) роль в хозяйственной жизни:

Kto mieszka nad Odrą, miewa krowkę dobrą, букв. «кто живет на Одре, у того хороша корова»;

4) принадлежность к «своему»:

Gdańsk na Wiśle stoi, букв. «Гданьск на Висле стоит», т.е. ‘Гданьск – польский город, относится к Польше’;

5) роль в истории:

Przejdź Rubikon, букв. «перейти Рубикон», т.е. ‘совершить решительный поступок’.

Синонимия, не характерная для онимов, оказывается возможной в рамках ФЕ, поскольку ИС употребляются при описании одного и того же явления и могут взаимозаменяться, как в случае с фразеологизмами *Wisłę przepłynął, na Dunajcu zginął*, букв. «Вислу переплыл, на Дунайце погиб», и *Dunaj przepłynął, a na Dunajcu zginął*, букв. «Дунай переплыл, а

на Дунайце погиб». Обе ФЕ означают 'не избежать опасности'. В основе переносного значения фразеологизма лежат тождественные свойства Вислы и Дуная, а именно их размер и полноводность.

В целом гидронимы в составе фразеологизмов представляют собой интересный объект изучения и могут быть рассмотрены как в рамках сравнительного анализа с другими классами онимов, так и на материале разных языков.

Струганова Е.Н.

Институт славяноведения РАН, Москва

«Огонь» сквозь призму болгарской фразеологии

Огонь в болгарской традиционной культуре (языке, поверьях и ритуалах) занимает одно из ключевых мест. В своем докладе я хотела бы рассмотреть, как связаны народная культура и фразеология, какие культурные смыслы заключены во фразеологических единицах, и провести некоторые параллели с обрядностью болгар.

В основе используемого метода, лежат работы по фразеологии В.Н. Телия [Телия 1996], А. Петровой [Петрова 2014], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2012], исследования по семиотике [Т.В. Цивьян] и этнолингвистике [СД, Усачева 1979, Седакова 2013 и др.].

Буквальный образ фразеологизма служит базой для извлечения культурных смыслов и концептуальных метафор [Петрова 2014: 46], а также для поиска следов ритуала. При этом анализируется не только огонь (*огън, пламък*), но и глаголы, обозначающие «жечь» (*плаввам, запалвам*), а также предметы и объекты, с ним неразрывно связанные (свеча, болг. *свец*; очаг, болг. *огнище*). Семантическое поле огня включает в себя все его атрибуты и «ипостаси»: уголь, пепел, дым, жар. Кроме этого, к данному полю примыкает лексика солнца и света, а также связанные с ними представления.

Согласно словарю «Славянские древности» [Белова, Узенева 2004], огонь обладает определенной двойственностью аксиологии: с одной стороны, это – стихия уничтожения, с другой – стихия света, тепла, источник жизни. Такого рода двойственность отражена и во фразеологии: о полном уничтожении говорят фразеологизмы *огън и меч* [«огонь и меч»], *огън и сеч* [«огонь и сечь»], о разного рода трудностях говорят фразеологизмы: *огън ми гори на главата* [«огонь горит у меня на голове»], *огребвам/огреба пепела от огнището някому* [«сгребать пепел с очага у кого-либо»], *плавма ми/пламне ми чергата* [«загорелся поло-

вик»), *пламнала ми е главата* [«у меня загорелась голова»], *горя в (на) огън* [«гореть в огне»], *горя между два огъня* [«гореть меж двух огней»]. С другой стороны, различные способы метафоризации огня используются и во фразеологизмах, описывающих благоприятные условия: *огън и слама и топлия вятър* [«огонь и солома и теплый ветер»], *огреяло ме е слънчище* [«осветило меня солнце»], *огря ме от невидена страна* [«осветило меня с невиданной стороны»].

Аксиология и культурные смыслы фразеологизма тесно связаны с народными представлениями об огне, реализуемыми в ритуале.

Выделяются две основные функции обрядового огня: 1) отгонно-защитная и 2) продуцирующая [Гребенарова 2009: 127]. Подробнее об обрядах с огнем и их отражении во фразеологии будет говориться в докладе.

Литература

Белова, Узенева 2004 – *Белова О.В., Узенева Е.С.* Огонь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь/ Под ред. Н.И. Толстого, Москва, 1995. Т. 1–5. М., 1996–2012.

Гребенарова 2004 – *Гребенарова С.* Огънят в обредите на българите, София, 2004.

Ковшова 2012 – *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры, Москва, 2012.

Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974 – *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр.* Фразеологичен речник на български език, София, 1974.

Петрова 2014 – *Петрова А.* Фразеология на балканските езици. Проблеми и перспективи на съпоставителното изследване. Пловдив, 2014.

Седакова 2013 – *Седакова И.А.* Балкански мотиви в езика и културата на българите. Раждане и съдба. София, 2013.

Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.

Усачева 1979 – *Усачев В.В.* Мифология растений в болгарских народных песнях// *BALCANO_BALTO_SLAVICA*. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. Москва, 1979.

Терёшина М.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

**Принципы перевода текста фэнтези
(на материале перевода на русский язык романа
«Последнее желание» А. Сапковского)**

Специфика фэнтези-литературы, написанной на славянских языках до сих пор является предметом, не освещенным в должной мере. В значительной степени это связано со слабой исследованностью самой жанровой специфики подобной литературы. Уже традиционным в лингвистике и теории перевода становится понимание роли переводчика как культурного посредника, а не просто ретранслятора текста. Следовательно, в корне меняется и понимание необходимой стратегии перевода. Об этом писал Владимир Витальевич Сдобников: «Нам уже неоднократно приходилось писать о том, что рассмотрение перевода как процесса преобразования текста на одном языке в текст на другом языке, проистекающее из положений, характерных для раннего этапа развития лингвистической теории перевода, представляется ограниченным» [Сдобников 2008: 92].

Данное исследование посвящено анализу употребления имен собственных, топонимов и реалий в романе А. Сапковского «Последнее желание», также рассмотрены и прокомментированы типы перевода подобных наименований с польского языка на русский язык в цикле романов А. Сапковского «Ведьмак».

Группа имен собственных в романе чрезвычайно обширна. Все имена собственные можно разделить на три основные группы. В первую группу включаются имена, заимствованные из реального мира: *Geralt* (Геральт), *Libusze* (Либуше). Во вторую группу входят семантически «пустые» имена: *Fredefalk* (Фредефальк), *Crach an Craite* (Крач ан Крайт). Третья группа включает в себя «говорящие» имена: *Jaskier* (Люттик), *Renfri – Dzierzba* (Ренфри – Сорокопутка).

Группа топонимов романа отличается принципиальной неперевоодимостью. Это связано с отсутствием авторских отсылок к реально существующим местам на карте. Здесь уместнее было бы говорить о стилизации, достигаемой средствами языковой игры: *Novigrad* (Новиград), *Nazair* (Назаир), *Oxenfurt* (Оксенфурт), *Lukomorze* (Лукоморье)

Группа реалий вызывает наибольшие сложности при переводе текстов фэнтези. Значительный пласт подобных реалий составляют имена существительные, относящиеся к семантическому полю волшебного. Это такие лексемы, как: *strzyga* (упырица / стрыга), *wipper* (глумец),

zjadarka (упырь / Баба Яга). В меньшем количестве в данную группу входят реалии, характеризующие быт и мироустройство: *wójt* (войт / солтыс), *Rada Czarodziejów* (Совет Чародеев), *Belleteyn* (Беллетэйн). Трудности перевода в данной группе связаны с наличием лакун и несоответствий в национальных системах фантастических образов, а также с отсутствием описываемых автором общественно-социальных и политических формаций.

Переводчик фэнтезийного текста должен ставить перед собой задачу не фактически точного, дословного перевода текста с языка на язык, где он выступает в роли ретранслятора, но задачу перевода с менталитета на менталитет.

Литература

Сдобников 2008 – *Сдобников В.В.* Перевод как посредническая деятельность: некоторые психологические аспекты // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: сб. науч. ст. Вып. 3. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 92–106.

Чиварзина А.И.

Институт славяноведения РАН, Москва

Синий цвет и его оттенки в македонском и албанском языках

Синий цвет, несмотря на то, что относится к базовым, не представлен широко ни в традиционной культуре, ни в спектре значений лексемы по словарным статьям. В сравнении с другими базовыми цветами синий является одним из наименее употребляемых в традиционной культуре балканцев: детали синего цвета используются в защитной магии, при обрядах родин, похорон, в свадебных торжествах, иногда он выступает синонимом черного цвета.

Еще одной стороной вопроса о синем цвете является дифференциация на темный и светлый оттенок. Материал славянских языков Балканского полуострова свидетельствует о наличии множества различных лексем по диалектам, однако, нет жестко закрепленного деления на синий и голубой. Соседний же албанский язык различает эти оттенки на уровне базовых цветов, что по данным Берлина и Кея [Berlin, Kay 1969] присутствует лишь у небольшого процента языков мира.

В настоящем докладе предлагается проследить соотношение лексем не только по степени встречаемости, но и сравнить значения основных лексем по языкам – македонскому и албанскому.

Литература

Berlin, Kay 1969 – *Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, 1969.*

Широкова А.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Типы словообразовательной мотивации названий цветов в польском языке (на фоне русского)

Цель исследования – выявление типов словообразовательной мотивации в производных наименованиях цветов в польском языке (на фоне русского).

Поиск материала осуществлялся через: словари с базовой лексикой для изучающих язык; флористические сайты; сайты, отражающие базовый набор названий цветов, которыми оперирует средний носитель языка; исследования о названиях цветов в художественной литературе; Русский семантический словарь.

Дериваты делятся на группы по типу закрепленного номинативного признака, и на подгруппы – по конкретным признакам, закрепленным в деривате. Итак, в исследованных дериватах отражены:

а) физические признаки (ФП):

1) внешний вид: форма соцветия: *dzwonek*, лепестков: *nogotki*, листьев: *mieczyk*, семян: *raciorecznik*, плода: *просвирник*; цвет соцветия: *złocień*, листьев: *podbiał*; количество листьев: *тысячелистник*, лепестков: *stokrotka*, сходство соцветий: *bratek*, эстетическая оценка: *milek*;

2) тактильные ощущения: *aksamitka*;

3) вкус: *goryczka*;

4) свойства: опасность: *jaskier*, вьющееся растение: *zawilec*, растение-медонос: *miodynka*, сохранность в сухом виде: *бессмертник*, распространение семян: *dmuchawiec*; особенности соцветия: *ветреница*, листьев: *czulek*; запах: *smolichy*;

5) сходство с другим растением: по внешнему виду: *lilijka*; по свойству (запах): *goździk*; критерий сходства неясен: *берёзка*;

б) время цветения (ВЦ): весной: *wiosnowka*, осенью: *осенник*;

с) место произрастания (МП): природное сообщество: *podlaszczka*; почва: *купальница*;

д) применение: лекарственное: *krwawnik*, корм для животных: *koniczyna*, ручной труд: *wiązówka*;

е) на основе антропонима: *mikołajek*.

В обоих языках распространены наименования, образованные от нескольких производящих основ. Выделяются следующие группы сложных наименований: сочетания (*zestawienia*), сращения (*zrosty*), сложносоставные (собственно сложные) слова (*złożenia właściwe*).

В них фиксируются признаки:

сочетания слов: форма соцветия: *lwia paszcza*, корневища: *собачий зуб*; цвет соцветия: *белая кувшинка*; запах: *душистый табак*; сходство с другим растением: *гадючий лук*; образное сравнение: *женух и невеста*; эстетическая оценка: *ночная красавица*; свойство: *jaskółcze ziele*; опасность: *jaskier ostry*; ВЦ: *rannik zimowy*; МП: *czermień błotna*;

сращения: форма корневища: *psizqb*, эстетическая оценка: *незабудка*, тактильные ощущения: *мать-и-мачеха*, свойство: *недоτροга*, опасность: *болиголов*, применение: *сон-трава*, с антропонимами: *иван-дамарья*;

сложносоставные слова: форма соцветия: *skrzydłokwiat*, лепестков: *белокрыльник*, семян: *ломонос*; цвет соцветия: *синеголовник*, сока: *молочай*; свойство: *сухоцвет*; опасность: *зверобой*; ВЦ: *zimowit*; лекарственное применение: *чистотел*.

В группе исследованных дериватов, в основу мотивации которых лег ФП растения (как в польском, так и в русском языках) наиболее распространено закрепление признаков «цвет соцветия» и «форма соцветия»: подтверждается значимость соцветий в языковом представлении о цветах.

В обоих языках в дериватах, где закреплен признак ВЦ, указывается только на цветение весной или осенью. Цветение летом не фиксируется, т. к. характерно для большинства цветов и закреплено в языковом сознании.

В сложных наименованиях, как правило, фиксируется один номинативный признак и повторяются типы мотивации, выделенные для простых дериватов.

Якимова А.П.

Институт славяноведения РАН, Москва

Мотивационные модели болгарских наименований одежды

Одежда – важнейшая часть предметного кода культуры. Ее символические функции достаточно широки, они подробно рассмотрены в работах русских, болгарских и европейских ученых. В меньшей степени изучена в этнолингвистическом плане терминология одежды. Термин позволяет обнаружить связь вещи и ментальных представлений тех, кто создал предмет и назвал его. Номинация – это во многом актуализация наиболее существенного, культурно-релевантного признака предмета. Причина выбора конкретного признака для номинации предмета имеет прямое отношение к картине мира этноса.

Предлагаемый доклад посвящен мотивационным моделям наименований предметов одежды в болгарском языке.

Терминология народной одежды болгар отражает исторический путь этого народа – имеется большое количество заимствований из турецкого языка, есть термины романского происхождения и, конечно, славянского. Основные признаки, отраженные в наименованиях предметов одежды, это – цвет, длина, особенности изготовления, ткань и способ украшения, принадлежность. У разных лексико-семантических групп – наименований поясной одежды, женской одежды второго слоя и мужской одежды второго слоя, головных уборов и др. – обнаруживаются некоторые различия в способах номинации и актуальности мотивационных признаков. Так, для женской поясной одежды или фартука (болг. *престилка*, *пецемал*, *хута*, *фота*) – характерен аналитический способ образования терминов, с актуализацией внешних признаков изделия: *б'ала хута* от 'белый фартук' (Разградский р-он), *чатмалийта хута* – от *чатма* 'квадратный орнамент' (сев.-вост. Болгария); *клинска престилка* 'фартук с клиновидным орнаментом' (Луковит). Это во многом объясняется важным художественным значением фартука для композиции женского костюма. Одежда второго слоя в женском и мужском костюмах, как правило, именуется соответственно способу изготовления и украшению. Например, названия сукмана (одежды типа сарафана) *сърмосник*, *бял сърмен*, *пулова сърма* (Сакар) – происходят от *сърма* 'канитель, золотая или серебряная нить' – товара, появление которого в конце 30-х годов XX века позволило разнообразить украшение сукмана, в то время как в

прошлом сукманы «*бяха по-прости*» и «*само с гайтань*» («были проще» и «только со шнуром»). Для верхней одежды, чей символический смысл заключается в выражении реализованного жизненного потенциала члена социума, характерны наименования с актуализацией признака длины: *дълга дреха* «длинная одежда» (Ловеч, Добруджа, Северозападная Болгария), *бой кожух* – «кожух в рост» (Добруджа), *късаче* от болг. *къс* – «короткий» (Софийский р-он и др).

Поскольку признак – это, по выражению С.М. Толстой, тот «инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты», именно совокупность культурно-релевантных признаков одежды, отраженных в терминологии, позволяет через восприятие костюма и его частей делать выводы об отношениях людей внутри социума.

Яхонтова Я.Б.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Весенние календарные обряды греческих деревень Эммануил Папас и Агио Пневма, кипрской деревни Алона

«Противопоставление «весна – зима» (понимаемое как противопоставление времени, начинающегося с зимнего солнцеворота и кончающегося сбором урожая, сезону умирания природы и сокращения земледельческих работ), полнее всего отражается непосредственно в ритуалах, а также в текстах, связанных с сезонными циклами» [Иванов, Топоров 1965: 120].

Кафедрой византийской и новогреческой филологии МГУ им. М.В. Ломоносова были организованы экспедиции в греческие деревни Эммануил Папас (29.09.2015 — 08.10.2015) и Агио Пневма (16.08.2016 — 26.09.2016), в кипрскую деревню Алона (22.06.2016 — 06.07.2016). В докладе рассматриваются материалы, собранные в результате данных экспедиций. В частности, нами будут рассмотрены такие обряды, как «Κούσασι» и «Γιατρός»:

- **Κούσασι** (Эммануил Папас) < άκουσε εσύ 'послушай-ка'. Особый обряд, совершаемый в масленичный период. Вечером юноши и девушки собираются на площади за большим костром (около 3 м в высоту). При этом присутствуют старики, которые заявляют, кто с кем может составить пару. Для этого используется специальная формула:

Κούσασι-κούσασι,

γέρο-παπαγέρο,
 να πάνουμε στ' `άλας,
 να γυρίσουμε από τ' `άλας,
 και ο Γιώργος ο Βουζιάνης θα πάρει τη Στέλλα την Κόκκινη.
 «Послушай-ка, послушай,
 дедушка-старик.
 Мы пойдем за море,
 вернемся из-за моря,
 и Йоргос Бузьяннис
 возьмет в жены Стеллу Коккини».

● **Γιατρός.** Представление, которое ставили в деревне Эммануил Папас в начале Сырной недели, в рамках которой устраивались карнавальные шествия (*карναβάλια*). Их участники наряжались в шкуры животных (это могли быть овечьи шкуры, в которых прорезались отверстия для глаз, к «костюму» подвешивались колокольчики) и вымазывались сажей, чтобы пугать детей и нечистую силу. Они назывались *καλόγεροι* или *γιατίσσαροι*. Ставились драматические представления, нами был зафиксирован следующий текст: «Γινόταν η δραματική παράσταση «Γιατρός»: ο γιατρός βγάζει απ' τον ασθενή τα σπλάγγχνα του (πράγματι είναι σπλάγγχνα του αρνιού), τα δείχνει στους θεατές, αλλά ο άρρωστος ξαφνικά σηκώνεται και φωνάζει: Να είστε καλά γιατροί! Δεν πονάω!» «Ставилось драматическое представление, где врач якобы извлекает из больного внутренности (в действительности это внутренности барана), а тот внезапно встает и восклицает: «Всего вам доброго, врачи! У меня ничего не болит!».

Таким образом, данные обряды содержат в себе символику умирания и воскрешения, в них реализуются оппозиции «суша–море», «жизнь–смерть». Такие элементы обрядов, как мазание лица сажей и украшение костюмов колокольчиками, являются символами защиты от злых духов и отсылают нас к диониссийскому культу. Эти обряды проводятся для того, чтобы призвать в жизнь людей такие блага, как счастливый брак, хороший урожай и плодородие. Они основаны на принципах симпатической магии, приурочены к переходному празднику Масленицы и, стало быть, восходят к древнему культу умирающего и воскресающего божества.

Литература

Иванов, Топоров 1965 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965, с. 120.

С о д е р ж а н и е

Секция «ИСТОРИЯ»

→ 3–36 ←

Артюшкова Е.Е.	Деятельность Российского общества Красного Креста на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны	3
Васюков А.Д.	История Товарищества младокашубов: лидеры, идеи, проблемы	4
Гимадеев Т.В.	Чешские католики о гуситском движении: историографическое наследие А. Главинки	5
Горохова М.Е.	Источники русской политической эмиграции в Чехословакии (1918–1938 гг.)	7
Гусев Н.С.	«Никакого буйства или бесчинства манифестанты нигде себе не позволили, если не считать пения гимна...»: славянские манифестации в России весной 1913 г. и их разгон	7
Добротина О.В.	Отражение процесса исламизации Балкан в эпосе «Салтукнаме»	8
Дронов А.М.	Русское консульство в Фиуме и деятельность А. Д. Петковича (1873–1892)	9
Дулатов Б.К.	Чехи: политическая и историческая судьба в России	10
Златанов А.	Славянский легион Михаила Чайковского в образах и картинах	12

Ислентьев А.П.	Сербская православная церковь и проблема обращения в унию православного населения Габсбургской монархии в первой половине XIX в.	13
Касаткин К.А.	От «бугар» к Болгарии: изобретение болгарской нации в работах И.П. Липранди	14
Колмакова М.В.	Библиотека М.П. и Н.М. Петровских в 20–30-е годы XX в. ...	15
Колосков Е.А.	«Мобилизованная Беласица»: образ битвы на Клейдионе в македонском и болгарском историческом и политическом дискурсе	17
Кузьмичева А.Е.	«Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии»: что скрывалось за пактом Гитлера–Пилсудского?	18
Лаптева Т.Н.	Неизданные работы А.В. Флоровского по истории чешско-русских отношений	20
Лисиченок Е.А.	Забывшие библиотеки Витебщины XIX в.: Юзеф Жаба из Шша и его «книгосбор»	21
Мельчакова К.В.	Перелистывая старый фотоальбом. Босния и Герцеговина в объективе фотографа П. П. Пятницкого (1832–1882)	22
Мошечков П.П.	Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии	23
Начарова Е.Ю.	Участие стран социалистического лагеря в комиссии по наблюдению за перемирием в Корее (1953–1956 гг.)	24

Нечаева Н.И.	Чехословакия на Парижской мирной конференции	25
Новосельцев Б.С..	Советско-югославские отношения в конце 1968–1969 гг. ...	26
Парфирьев Д.С.	Украинская радикальная партия в годы Первой мировой войны	27
Пивоваренкко А.А.	Политическое развитие в Юго-Восточной Европе в 2013–2017 гг.	28
Ридэль И.П.	Сарматский миф и политическое устройство Речи Посполитой в XVI–XVII вв.	30
Сергеенко Е.С.	Экономическое развитие и внешнеэкономические связи Сербии в конце XIX – начале XX вв.	31
Смирнов Я.Н.	Внешняя политика Югославии в 1992–1996 гг.	32
Степанов Д.Ю.	Происхождение славян: концепции и их источники в образованной среде Российской империи в первой половине XVIII в.	33
Сопов В.И.	Правительствующий совет Сербский как орган гражданско-правового регулирования в 1807–1813 гг.	34
Чернышенко Д.Ю.	Книги из библиотеки П.А. Сырку в частных собраниях славистов (предварительные замечания)	35

Секция «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

→ 37–46 –

Амелина А.В.	Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь Республики»	37
--------------	---	----

Баранова М.В.	Психология сексуальности в произведениях Милана Кундеры	38
Бырина А.В.	Творчество Павла Виликовского в оценке словацкой критики	39
Лунькова Н.А.	Поэтика пространства в цикле рассказов С. Стратиева «Одинокие ветряные мельницы»	41
Маслова К.К.	Противопоставление образов робот/человек-робот (К. Чапек, Е.И. Замятин, О. Хаксли, А. Азимов)	42
Токаревских С.А.	Проблема «женского письма» в современной чешской литературе (на материале рассказов антологии «Dámská jízda»)	44
Усачёва А.В.	Рецепция творчества Э. Ионеско в СССР и России	45
Шатько Е.В.	Переводческие стратегии В. Флакера и М. Чолича при переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»	46

Секция «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

→ 47–80 ←

Бакаева А.В.	Лексика новогреческого похоронного обряда	47
Бакшаева А.А.	Приставка/предлог об- и от- в Христинопольском Апостоле XII в.	49
Войславова С.С.	Фразеологизмы с опорным компонентом <i>сон/сън</i> в русском и болгарском языках: опыт лексикографического описания	50

Гусева В.В.	Корова коробит, рыба рыдает. Примеры народной этимологии в архангельских говорах	52
Егоров И.М.	Проблемы синхронного фонетико-фонологического описания польского переселенческого говора в Хакасии и в Красноярском крае	53
Каменецкая В.А.	«Воспоминания Тамбовского купца...»: вопросы состава и языковых особенностей рукописи	55
Климова В.А.	К вопросу о славянских заимствованиях в новогреческой мифологической лексике	56
Ковригина Е.А.	«Чур бы не в уро́к». Народные представления об уро́ках (сглазе) в говорах архангельского региона	58
Марачева З.Г.	Эсхатологическая тема в храмовой монументальной живописи второй половины XVII – начала XVIII вв. на примере стенописи церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Рощенье г. Вологды	59
Мирвода Т.А.	Русские детские страшные истории в контексте мирового интернет-фольклора	61
Николаева С.В.	О метрике и исполнении старших духовных стихов.....	63
Онуфриева Е.С.	Коммуникативно-прагматическая функция речевых формул-комментариев (на примере новогреческого языка)	65
Петрова Д.А.	Взаимодействие финно-угорских и славянских культур	

	на территории Волго-Клязьменского региона на примере образов	67
Румянцева О.С.	Специфика словотворчества в польской поэзии для детей	68
Скачедубова М.В.	К вопросу об интерпретации сочетания глагола <i>бытии</i> в прошедшем времени и <i>-л</i> -причастия в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях.....	70
Спалек О.Н.	Гидронимы в польской фразеологии	71
Струганова Е.Н.	«Огонь» сквозь призму болгарской фразеологии	73
Терёшина М.М.	Принципы перевода текста фэнтези (на материале перевода на русский язык романа «Последнее желание» А. Сапковского)	75
Чиварзина А.Н.	Синий цвет и его оттенки в македонском и албанском языках	76
Широкова А.А.	Типы словообразовательной мотивации названий цветов в польском языке (на фоне русского)	77
Якимова А.П.	Мотивационные модели болгарских наименований одежды	79
Яхонтова Я.Б.	Весенние календарные обряды греческих деревень Эммануил Папас и Агио Пневма, кипрской деревни Алона	80

Научное издание

**Тезисы
молодежной
научной конференции**
(в рамках Дней славянской письменности и культуры)

М., 2017. 89 с.

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Подписано в печать 19.05.2017 г.,
Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Бум.офсетная № 1. Гарнитура Georgia
Объем 4,2 п.л.
Тираж 300 экз.

Институт славяноведения Российской академии наук
119334 г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, корп. В.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru